

ОСТРОВ **А**КСЕНОВ

Василий **А**КСЁНОВ

ЖЕЛТОК
ЯЙЦА

Василий Павлович Аксенов
Желток Яйца

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153186

Антология Сатиры и Юмора России XX века. Том 21. Василий Аксенов: Эксмо; Москва; 2002

ISBN 978-5-699-34674-5

Содержание

* * *	4
Десять минут до короткого замыкания	4
Пять минут до короткого замыкания	6
Короткое замыкание	8
Пять минут после короткого замыкания	9
Свет	11
Десять минут после короткого замыкания	12
Глава первая	13
Невинные глаза	17
Маскировки и трансформации	22
Глава вторая	26
Уколы ностальгии	30
В сравнении с чем?	33
Глава третья	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Василий Аксенов

Желток Яйца

* * *

Посвящается

всем моим котам, включая собаку

*Вначале был Хаос, и Мрак, и Хмарь,
Тоскливые бездны Тартара.
Не видно Земли, не заметно Небес,
Но вот в глубине, в жалкой пазухе Мрака,
Возникло яйцо из круженья стихий,
Это Ночь возложила его, овевая
Своим соболиным плюмажем.*

АРИСТОФАН. «Птицы»

Десять минут до короткого замыкания

Привет, Джек! Сто лет не виделись! Позволь представить тебе нашего почетного гостя, профессора Филлариона Флегмонтовича Фофаноффа, на конце два «эф», разумеется. Мы зовем его «Фил». Фил, не хотите ли познакомиться с Джо Керром? Ой, простите, с Джеком Ротом. Он у нас большой специалист в области перекрестного оплодотворения идей, концепций, замыслов, ротации первичных импульсов воображения... ничего не соврал?

...В общем, это прекрасный парень!

— Очень приятно.

— Очень рад.

— Чудный, чудный херес сегодня подают!

— И в самом деле, хорош.

— Посмотрите-ка на Джоселин, не правда ли, она, хм... восхитительна?

— Разумеется, хотя, на мой вкус, слишком приодета. Один только этот непостижимый бант на плече!

— О, вы слишком придиричивы, моя дорогая!

— Простите мне мою расхлябанность, старина, но я только что начал читать ваш трактат, хотя уже чертовски, чертовски впечатлен. Вы замечательно подчеркнули значение согласных, и я с вами абсолютно согласен. Гласные не привносят в текст национальной энергии.

— Подлейте-ка мне еще этого восхитительного напитка. А кто эта девица в лиловом?

— Видите эту французскую пару, всю в вельвете? Вот уж всамделишный шик Левого берега Сены!

— Говорят, они только что прибыли из континентального Китая...

— Как? Уйти из Вэ-Вэ и поступить в Эл-Эл-Эл? Никого не нашлось, чтобы ее отговорить?

— Внимание, братцы, кое-что новенькое из Белого дома. Последний советский анекдот.

— Поосторожней с советскими анекдотами. Тут где-то ходит советский советник по садовым культурам.

– Простите, джентльмены, я как раз и есть советник советского посольства по садовым культурам.

– У-у-п-с! А не расскажете ли вы нам, господин советник, о колхозных плантациях мака?

– Не можете ли вы мне сказать, Генри, кто этот трехсотфунтовый толстяк, такой приветливый и симпатичный?

– Да это же почетный гость сегодняшнего вечера, мой старый кореш времен Московской траншейной войны, Филларион Фофанофф, два «эф» на конце, разумеется.

– Уши не изменяют мне? Профессор Фофанофф во плоти?

– Да еще в какой плоти! Зовите его Фил, Раджа. Фил, знакомься, Раджа Саванг, давний друг нашего института.

– Сахару или молока?

– Ни того, ни другого.

– Виски или херес?

– И то, и другое.

– Вот типичный ответ нашего доброго старого Филадельфия. Добрый, старый Фил! Первая птичка гласности!

– И все-таки, советская хохма...

– Внимание, советская хохма в японской интерпретации!

– Ваше Превосходительство, почему у вас такие красные губы?

– Простите, Хуссако-сан, но вы опять чертовски неуместны!

– Хелло, Ксан Вьен! Я – Пэтси! Диззихэд говорил мне о вас. Похоже, что мы копаем одну и ту же шахту, не так ли?

– Что происходит в конце концов? Мне сказали, что этот вездесущий аргентинчж должен меня сегодня провожать, а он весь вечер крутится вокруг Ксана!

– Вы должны его простить, моя дорогая, профессиональные интересы. Где еще найдет он человека, что разделяет его взгляды на стратегическое исследование вечной мерзлоты.

– Мисс Янгблэддер, давайте говорить о деле. Вы же не будете отрицать, что уровень участия женщин в наших пополуденных дискуссиях стабильно повышается!

– Третьего дня, сэр, я наблюдала, как вы катались на коньках. Никогда раньше не видела таких подвижных слонов.

– О, тысяча благодарностей, мадам! Вряд ли вы найдете человека, более восприимчивого к лести, чем я.

– Вы польщены тем, что вас называли слоном, сэр?

– Ну, не очень, мадам, но зато упоминание о подвижности... И кроме того, там, в Москве, а именно в Кривоарбатском переулке, я был известен под кличкой Хобот, что, как известно, является значительной частью слоновьего тела, мадам.

Пять минут до короткого замыкания

– Кто эта девушка в лиловом, что так дерзко смеется над слоноподобным русским?

– Она вовсе не в лиловом, а в сером. У нее глаза лиловые, вот в чем дело. Это Урсула Усрис, доктор наук.

– Не говорите мне ни слова о Брендане Мэйписе. Фигурально говоря, он не что иное, как мешок с дерьмом.

– Но зато какой игрок в гольф, сэр!

Вечерний ритуал распития хереса в вашингтонском институте, известном под кличкой Тройное Эл, то есть Линкольн Либерал Лииг, или иначе – Либеральная лига Линкольна, был в полном разгаре. Не менее полусотни исследователей с международной репутацией толпились вокруг овального стола, жужжа как рой трудовых пчел. Дух академического сотрудничества, как мы слышали, явно преобладал над сплетнями.

Можно легко предположить, что никто (или почти никто) в этой славной толпе, так живо потребляющей всеобщую элегантность вместе с потоком традиционного академического напитка, не догадывался, что находится под пристальным наблюдением сверху.

Боже упаси, мы не имеем в виду грозные сферы невидимого, единственное, что мы имеем в виду, говоря «сверху», это один из прихотливых балкончиков, расположенных на разных уровнях под гигантским куполом супермодернистской конструкции, известной в Вашингтоне, округ Колумбия, под кличкой Яйцо. У каждого из этих многочисленных балкончиков было имя или знаменитого мыслителя, или исследователя, и тот, на котором мы расположили двух наших наблюдателей, именовался балконом Ибн Эзры, испанского еврейского философа X столетия. От случая к случаю он использовался для собраний Генеалогического общества, иногда для тайных свиданий, вносящих дальнейшую путаницу в генеалогию будущего, но еще ни разу для наблюдения за традиционным распитием хереса.

Одним из двух наблюдателей был худощавый молодой человек лет двадцати семи – двадцати восьми, одетый в превосходном стиле площади Дюпонсеркл, то есть в костюм-тройке и стоптанных кроссовках, спецгент Джим Доллархайд, контрразведка ФБР, к вашим услугам.

Вторым был Каспар Свингчзар, начальник службы безопасности Тройного Эл, дюжая, сутулая личность среднего возраста в мешковатых штанах и мятой рубашке, которые, в комбинации с вечно кислым выражением мясистого лица, создавали впечатление вечной мизантропии и неряшливости, то есть лажи.

Притворяясь погруженным в какие-то размышления – неизменная резинка «базука» перекачивается во рту, – Свингчзар старался не обращать внимания на своего гостя, даже мельком не глянуть на его славную физиономию с добродушными, немного рассеянными, однако интенсивно любопытными глазами и с несколько двусмысленной улыбкой, вполне типичной для молодых вашингтонцев, в той или иной степени вовлеченных в секретные операции.

Какого черта этот назойливый малый хочет от меня, думал Свингчзар. Я не отвечаю за шпионов, я отвечаю за огнетушители, разбрызгиватели воды, уловители дыма, пластиковые пропуска, черт бы их всех побрал...

– Перестаньте, Каспар, – сказал спецгент. – Не будьте таким брюзгой. Скажите, что вы думаете об этой симпатичной толпе внизу?

Свингчзар глянул на него искоса, как будто удивляясь: «Почему ты, приятель, не спросишь, что я думаю о тебе?» Потом прорычал:

– Вы имеете в виду эту свору бездельников? Большинство из них – это отходы человеческой расы. Есть только один приличный человек там, внизу, замдиректора Пит Клевтчиз, да и тот, в общем-то, порядочная свинья.

Молодой сыщик, конечно, знал о том, как унижительно относится начальник службы безопасности к персоналу Тройного Эл и к ученым гостям, а также к прочим «трепачам всех широт», то есть ко всей мировой академической общине. Он выдал ему свою лучшую улыбку, потрепал по круглому плечу и, облокотившись на перила – «не будьте так раздражительны, Каспар!», – внимательно взгляделся в грубое плато этой недружелюбной физии, как бы изучая складку за складкой.

– Но кто же все-таки в этой толпе может быть советским шпионом?

С полным презрением Каспар Свингчээр пожал плечами:

– Да никто! Слишком низкая квалификация для любой ответственной работы.

Короткое замыкание

– Вы мне плеснете еще стаканчик этой амброзии, товарищ-щ-щ? Я знаю, как вы ненавидите наше любимое Щ, это истинное воплощение русскости, как вас тошнит от этой трехголовой бестии, наверняка предназначенной для разрушения западной цивилизации...

– Не шутите, коллега. Все на кампусе прекрасно знали, что она спит с защитником футбольной команды...

– Воображаете, носороги!..

– Эта чья нога, народы? Камнями по воронам, всех мужиков-свинтусов надлежит истребить!..

– Я вас не вижу, сэр!..

– Не важно. Давайте поговорим наконец-то о поздневизантийских гравировках...

Пять минут после короткого замыкания

– Хватит, примите мою отставку, господин президент!

Каспар Свингчэар был сыт по горло: кто еще выдержит этот супермодернистский лабиринт внутренностей Яйца? С мощным фонарем в правой руке и с тяжелым (впрочем, незаряженным) пистолетом в левой, он несясь по спиральному переходу имени Герберта Спенсера навстречу воющим сигналам тревоги, пока внезапно не обнаружил себя в абсолютно неожиданной позиции перед черной дырой тоннеля имени Эдварда Беллами. Голова закружилась от мерцающих, полупрозрачных экранов и стен, пересекающихся лестниц и гибких мембран.

– Фля, иной раз это выглядит круче, чем Корейская демилитаризованная зона.

Система тревоги продолжала быть, и никого, кроме него, похоже, это не колыhalo. Безобразные взрывы смеха то и дело доносились из глубины вздорной структуры, Бывший морской пехотинец рванул в тоннель и почти немедленно споткнулся о неподвижное тело.

– Какого черта вы здесь делаете, сэр?! – взревел обеспечитель безопасности. В полном соответствии со своим фундаментальным презрением ко всем «паразитам человечества» он предположил, что кто-то из них так нажрался хересу, что поскользнулся в собственной блевотине. Не менее минуты ушло на то, чтобы сообразить, что это тело ничего не делает в тоннеле имени Эдварда Беллами, ошеломляюще ничего. Все вопросы к этому телу следовало ставить в прошедшем времени.

Свингчэар прижал ухо к спине трупа, а именно к пространству между лопатками – ну и хрупкие же косточки! – и вдруг его охватило весьма отдаленное воспоминание: Токио тридцать с чем-то лет назад, ему двадцать пять, он в отпуске, из окопов... «Интимный бар», квартал Сидзюко... Кто это был, девочка или мальчик, по пьянке и не разберешь...

Он отмахнулся от этих неуместных, если не постыдных, воспоминаний и начал давить на хрупкую спину – мужскую или женскую, пытаюсь вызвать признаки жизни. Тут подошел еще один удар по нервам, на этот раз невыносимая вонь. Он отпрыгнул от тела, хотя было ясно, что не оно было источником вони, весь воздух в тоннеле был вонью. «Эдвард Беллами» разил чем-то неизвестным и непостижимым. Фактически что-то непостижимое было в самом воздухе, и не постичь было, что происходит: то ли просто дуновения непостижимого, то ли падали комья падали из чего-то-ничего, то ли просвистывало что-то-что-просвистывает из падали.

Ему казалось, что он теряет равновесие, через различные треугольные, овальные и серповидные отверстия он видел чистые осенние небеса, звезды и луну, однако луна вроде бы висела не на должном месте, то есть прямо под его башмаками, в то время как через искусственную трещину в том, что предполагалось быть потолком, видны были автомобиль Открытого отряда Секретной службы, белый фургон с надписью «Маляры по радуге и К°», а также и другие фургоны и авто, запаркованные вдоль Вашингтонского мола.

– Теряю баланс! – запаниковал Свингчэар. – Какой позор! Шеф охраны теряет чувство реальности!

Тогда хорошо тренированный морской пехотинец прошлого приказал желеобразному бюрократу настоящего продолжать попытки оживления. Свингчэар повернулся к трупу и снова получил еще один опустошающий удар по нервам: трупа не было. Ничего не было в тоннеле имени Эдварда Беллами, кроме пространства; под лучом его фонаря были лишь невинные плитки пола. Каспар испустил вопль, заглушающий все сигналы тревоги и, что называется, бросился врассыпную через тоннель, пока не вцепился в предмет своей любви и гордости, контрольную панель всего института, порученную его заботам.

Он заметил это сразу – зловещая штука, посторонний предмет торчал посреди этого изошренного аппарата. Давайте теперь раскроем один из секретов Каспара Свингчэара – он любил «это говенное Яйцо» больше всего на свете. Фактически это чувство было единственным, что держало его на плаву в трясине тягостного старения. Этим именно и объясняется то, что он, не раздумывая, немедленно попытался вырвать гадкий предмет, размером не более бутылочного штопора, из своей дорогой панели. Однако как только он протянул руку, поблизости послышался какой-то деликатный шорох, и краем глаза он увидел контур стройной человеческой фигуры, крадущейся к панели, – мужская или женская, призрак прошлого или только что пропавший жмурик?

Фигура протянула руку. Начальник службы безопасности Тройного Эл нырнул вперед и взял запястье руки в стальной зажим. Фигура вскрикнула в стиле чопорной дамы, сдающей будто коза под тигром, потом... Свингчэар сам возопил подобно раненому вепрю, его рука оказалась закрученной за спину.

– Спокойно, Каспар, – усмехнулся спецагент Джим Доллархайд, – это всего лишь бутылочный штопор. Кто-то перепутал вашу панель приборов с бутылкой хорошего «порта».

Он освободил руку Каспара Свингчэара и осторожно удалил зловердный предмет из путаницы высшей технологии.

Короткое, как вспышка, лирическое отступление. Алкоголики в СССР издавна называли такие штопоры «спутниками агитатора».

Свет

Затем двое мужчин пошли вдоль светящихся стен тоннеля подобно персонажам-космонавтам кинокартины «Верный состав».

Десять минут после короткого замыкания

Вид с балкона Ибн Эзры. Следует отдать должное личному составу и ученым гостям центра Тройное Эл: никто из них не покинул увлекательного сборища, несмотря на адский мрак и завывания сирен тревоги. Сцена фактически мало изменилась, если не считать того незначительного факта, что институтский библиотекарь, Филиситата Хиерарчикос, в темноте умудрился оседлать эмигрантского профессора Александра Евтихиановича Пулково-Бредноколесниковского, известного в верхнем эшелоне нашей академической структуры под именем «Ал».

Глава первая

Поворотные пункты

За пару недель до только что описанных событий молодой городской профессионал, то есть типичный американский айппи восьмидесятых, спецгент Джеймс Доллархайд сидел в своем офисе в штаб-квартире Федерального бюро расследований, что на углу 10-й улицы и Пенсильвания-авеню, северо-запад столицы нации. Как обычно, он старался изо всех сил не свалиться со своего стула в объятия Морфея. Все вокруг представлялось ему здесь Берлогой Большого Дремлюги, как он описывал свою службу в письмах обожаемой мамочке, Мисс Монтана-1956. Даже компьютер, казалось, зевал ему прямо в лицо.

Разве мог Джим предвидеть такое монотонное существование при вступлении в грозную организацию? Все двадцать восемь лет жизни он относил себя к тому, что называл в своем сознании «Молодой мир» – поступал в разные колледжи и линял из них, работал лыжным инструктором, пожарником-парашютистом, барменом и диск-жокеем, пока дружок его мамы, дядя Роджер, через своих ветеранов Корейской войны не устроил его в контрразведку. Джим был в восторге: контрразведка легко вошла в концепцию Молодого мира.

Увы, с тех пор, как подготовительные курсы были окончены и он получил назначение в Пятый подотдел Третьего управления ФБР, прошло уже три месяца, а вся его работа ограничивалась перебиранием бумажек. И хотя непосредственный начальник, старший агент Брюс д'Аваланш, ежедневно подчеркивал исключительную значительность его исследования, он не мог не думать об этом иначе как о ловле блох.

Целая полка мягких дисков и несколько шкафов с папками – так выглядело десятилетней давности замусоленное дело многонационального запутанного мошенничества. Работа Джима состояла в том, чтобы снять с сотен потенциальных мошенников подозрения в шпионаже, иначе говоря, отделить зерно от плевел, пробить какой-то путь в лабиринте. Дело осложнялось тем, что большинство документов были финансового характера, для Джима – полная китайская грамота, тем более что и немало китайцев было тут запутано. Иногда, особенно к концу рабочего дня, Джиму казалось, что в его работе просто нет никакого смысла, и единственная цель следствия – это топтанье на одном месте. Мамми и дядя Роджер, должно быть, представляли себе не такое будущее для своего Мальца-Молодца.

Второй стол в комнате был не занят уже целый месяц. Спецгент Брендан Разказ, тот, что сидел здесь до Джимма и приветствовал его прибытие, то есть тот самый парень, что показался ему просто мелкой старательной канцелярской тварью, если не просто остолопом, оказался достаточно толковым, чтобы слинять из «пороссячьего рая» – выражение, которое Джим подцепил однажды в понедельник утром в туалете своего этажа.

Недавно Джим натолкнулся на Брендана на углу 18-й и Колумбия-стрит, в день этнического фестиваля Адамс Морган. В густой толпе представителей всех мыслимых рас и наций Брендан продавал с лотка любопытный товар – тугие резиновые дружины, похожие на туалетные очистители, но называвшиеся тем не менее «обнежнители мяса». «С помощью этих штук вы можете приготовить филе-миньон из подошвы армейского сапога», – объяснял Брендан.

Ну и дела, как он переменился! Можно сказать, полуголый, в прозрачной «тэнк-топ» маечке, полностью открывающей мускулистое пузо, с талисманом из Акапулько на шее, загорелый, здоровый и похотливый – ну просто символ Молодого мира!

За тот месяц, что они провели вместе в офисе, Джиму ни разу не пришлось в голову никакой, насчет Брендана, шаловливой идейки, теперь же он был почти... почти...

Бант! Легкомысленные воспоминания были прерваны внезапно включившимся интеркомом. Скрипучий голос старшего агента Брюса д'Аваланша: «Привет, Джим. Не хотели бы вы выключить своего грузи-бузи и заглянуть к нам? Да, прямо сейчас. Нет, никаких данных не надо, валите с пустыми руками прямо в кабинет к Доктору!»

Спецагент Доллархайд никогда не полагал себя человеком, лишенным интуиции. Напротив, интуиция всегда была предметом его гордости. Он мог пересчитать на пальцах одной руки те редкие случаи, когда она (интуиция) его подводила. В данный момент она говорила ему, что приближается что-то необычное. Иначе почему махровый бюрократ д'Аваланш вызывает его не к себе, а прямо к Доктору? Больше того, Джиму даже показалось, что в голосе бюрократа промелькнули легкие нотки Молодого мира, некоторый ознобец налегающего приключения.

Может быть, это и есть поворотный пункт его карьеры? Или даже судьбоносный день всей жизни? Нетерпеливо он вырубил свой грузи-бузи, как в Пятом департаменте называли компьютеры, и рванул по прямому коридору к предвкушаемому крутому повороту дороги.

Заместитель начальника Пятого департамента Мэлвин Хоб-Готтлиб предпочитал, чтобы его называли Доктор Хоб. В самом деле, нелегко найти человека, чья наружность еще менее гармонировала бы с концепцией тайных операций. Скорее уж его наружность вызывала в памяти тот урожай чудаков XIX века, к которому можно отнести как Оноре де Бальзака, так и Альберта Эйнштейна. Верьте не верьте, но Джим Доллархайд однажды даже слышал, как Доктор Хоб насвистывает «Хорошо темперированный клавир».

На этот раз, войдя в кабинет, Джим увидел, что Доктор Хоб сидит бочком у своего стола и рассеянно поглядывает в окно. Его плечи были покрыты перхотью, а пузик – пеплом из популярной трубки. Между тем непосредственный начальник Джима, старший агент д'Аваланш сидел за конференц-столом в своей обычной аршин-проглотил позиции, имея на своем правом фланге трек младших сотрудников, Эплуайта, Эппса и Макфина.

– Садитесь, пожалуйста, спецагент, – сказал д'Аваланш, указывая на стул слева от себя, то есть ближе к столу начальника, чем даже он сам был расположен.

– Привет, Джим, – сказал Хоб-Готтлиб, стряхивая свою артистическую задумчивость, – между прочим, как ваш русский на данный момент?

– Добрый вечер, черт бы вас побрал, – тут же отвечал Доллархайд по-русски. О, эта летняя русская школа в Мидлбэри, о, эти кусты малины, о, эти восторги по–над-ручьем!

Доктор Хоб кивнул не без очевидного удовольствия. Славно, славно, совсем ньет-плохоу, мой многообещающий коллега!

Старший агент д'Аваланш со своим обычным кисло–сладким выражением воспроизвел одно из своих типических высказываний насчет некоторых молодых индивидуумов – в Пятом департаменте шутили, что он, очевидно, и родителей своих именует «парой пожилых индивидуумов», – которые, эти молодые индивидуумы, собственно, не так уж плохи, хотя могли быть гораздо лучше, откажись они от иных соблазнов, ну, хоть немного бы сократились в своей погоне за юбками.

«Мимо цели», – подумал Джим, притворно вздыхая, как бы признавая свое несовершенство – женщины, да-да, проклятые эти юбки...

– Гляньте-ка в это окно, Джим, – сказал Доктор Хоб, показывая своим пальцем, похожим на корень женшенья, на крыши и башенки Вашингтона. – Вы, конечно, видите этот слегка голубоватый сфероид, эту уникальную структуру, Яйцо, которое не может вам не напомнить живопись Иеронимуса Босха. Отныне эта штука будет основной целью вашей активности.

– Конечно, если вы не... – добавил он быстро, очерчивая фигуру молодого спецагента неожиданно пронизывающим взглядом.

Словно зачарованный Джим смотрел на вершину светящегося Яйца. Внезапно свечение испарилось, склоны структуры угрожающе потемнели, будто покрылись листами свинца. Что вызвало эту метаморфозу – пролетающее облако или этот чертов дирижабль, рекламирующий шины «Гудиеар», что день-деньской циркулирует по столичному своду небес, будто демон прокрустиваци, промедления?

Яйцо... основная цель моей активности... То, что вы делали до этого, Джим, было изнанкой нашей работы. Теперь вы вступаете...

Во что же он вступал и какова была суть операции ФБР, что стала разворачиваться вместе с сюжетом нашего романа?

– Как вы прекрасно знаете, Джим, – сказал Доктор Хоб, – этот город иногда называют Утечкоград. Утечки тут повсюду, стены сочатся утечками, отовсюду течет, иной раз ливнем льет из наших сфер. Утечка – это двигатель здешнего перпетуум-мобиле. Нечего и говорить, наша Утечка всю старается утечь за границы страны. Это довольно естественное явление, и поэтому мы не удивляемся тому, что наша Утечка старается слиться с советской Утечкой, чтобы образовать международное содружество утечек, в котором стаи ложных утечек вечно парят над иными весомыми, не особенно ложными.

– Впечатляюще, – пробормотал Джим с благоговением.

– Спасибо, – серьезно кивнул Доктор Хоб. – Итак, давайте выжмем излишнюю воду и подойдем к сути. У нас есть довольно основательная утечка из Москвы, Наши коллеги с Лубянки вроде бы собираются поселить своего «крота» в той самой структуре, которую вы только что лицезрели, то есть в сферы Тройного Эл, Либеральной лиги Линкольна. Есть ли в этом какой-нибудь смысл? Зачем секретно проникать в институт, который не имеет никакого отношения к засекреченным материалам? Ну, на данный момент мы ничего не знаем об их мотивах, однако по каким-то причинам Тройное Эл их сильно беспокоит, в этом нет сомнения. Да, джентльмены, у Москвы, как говорится, бабочки в желудке летают, когда доходит до этого гигантского яйцеобразного клуба болтунов.

Недавно мы заполучили еще не подтвержденную информацию, что их резидент в Большом Вашингтоне – кодовое имя Пончик – всю старается добыть как можно больше информации о людях Тройного Эл. Больше того, есть утечки, правда, еще легковесные, что они будут подключать к этому делу своего супершпиона Зеро-Зет.

Мы еще должны идентифицировать Пончика и Зеро-Зет. ЦРУ, разумеется, не обращает внимания на наши запросы, ребята из Лэнгли, как всегда, придерживаются своей обычной двусмысленности и вздорного снобизма. Беру на себя смелость предположить, что знают даже меньше, чем мы. В общем, Бюро придется отдуваться за всех...

К этим словам Доктор Хоб прибавил еще несколько своих собственных, что были восприняты всеми присутствующими, кроме Джима, как некая премудрость на латыни.

– Джим, вы, кажется, вздрогнули? – спросил Доктор Хоб.

Спецагент Доллархайд потупил глаза.

– Мне очень неловко, сэр, но ваша последняя цитата напомнила мне какие-то восклицания советских хоккеистов на матче дружбы в Монреале.

– Bravo, Джим, это показывает, что мы не ошиблись в выборе. Давайте-ка теперь сконцентрируемся. Вскоре после того, как мы заполучили утечку о намерении Москвы внедрить «крота» в Тройное Эл, мы перехватили еще одну порцию полезной информации. Выдающийся советский ученый-лингвист прибывает сюда следующим рейсом Аэрофлота. Он получил на год стипендию – феллоушип для работы в Тройном Эл. Его зовут Филларион Флегмонтович Фофановф, на конце двойное «эф». Ему пятьдесят один год, и он весит триста двадцать фунтов.

Один из тройцы Эпплуайт-Эппс-Макфин вскочил на ноги, и комната тут же погрузилась в темноту. На стене появился экран и на нем – проекция обсуждаемого господина. Сни-

мок был сделан явно скрытой камерой, однако высшего качества. Потрясающий толстяк стоял один в середине широкой и пустой асфальтовой площадки, создавая впечатление баобаба в выжженной пустыне. Он был, пожалуй, лыс, если не принимать во внимание легкий ореол вокруг темени и другие остатки некогда пышной растительности, а именно кустистые баки и мощную гриву сзади, достаточно неуправляемую, чтобы придать ему сходство с дикобразом. На картофелине носа он носил пенсне, а его непостижимый гоголевский шапо-кляк был поднят для горячего приветствия кого-то, кто не попал в рамку видеоискателя.

– Да ведь это же новый Пьер Безухов, джентльмены! – вскричал Джим Доллархайд. – Да ведь это же человек Ренессанса!

Невинные глаза

Благодаря одному из капризных вывихов модерной, или, лучше сказать, постмодерной архитектуры президентский сектор Яйца был выполнен в стиле викторианской готики с каминами начала XVIII столетия, старомодными лестницами, пилястрами и панелями. Президент института, достопочтенный Генри Тоусенд Трастайм, не делал секрета из своей привязанности к этим помещениям. При всех обстоятельствах они все-таки больше подходили к его происхождению, чем ненадежные спирали, дыры, трещины, трамплины, катящиеся стены и скользящие полы основной части структуры. Долговязый, великолепно седоватый и моложавый пятидесятиоднолетний англосакс мог бы без остановки проследить свое происхождение непосредственно к пилигримам, хотя никогда особенно и не старался пуститься в это путешествие.

Иногда, впрочем, он думал о целостности тех чистых душ, одержимых только одной идеей – выжить во имя бога. Каждый прошедший год для них был поводом к скромной гордости. Любой из них мог оглядеть свою жизнь во всей ее цельности от колыбели до могилы. Между тем достопочтенный ПТ испытывал некоторые, и весьма серьезные, трудности, когда пытался обозреть свое существование как жизнь одного и того же человека.

– Возьмите, к примеру, вот этот снимок с моего стола – золотые пятидесятые, двое в открытом «Кадиллаке», он и она, чудо-детки, все шестьдесят четыре зуба в хохоте, неудержимый разгул летящих волос. Снялись вскоре после того, как я похитил Джоселин из ее общаги в Свитбрайер-колледж. Я был в пижаме, а она в ночном платье, и мы мчали всю ночь через Вирджинию, Мэриленд, Делавер и Нью-Джерси, пока не примчались в Нью-Йорк, где сняли комнату в «Уолдорф-Астория», вот так, не менее, и с ходу свалились на ковер в неуклюжем совокуплении. Я просто не могу поверить, что этот проказник, любимец общества, и я нынешний – одно и то же лицо.

Президент Трастайм предавался размышлениям, держа стакан с терпким напитком в одной руке и беспечно расположив остальные конечности в разных направлениях на разных предметах красного дерева.

...А те годы в Европе... а Россия... все эти завихряющиеся безобразия... неужели это был я?

Чтобы избежать окарикатуривания этой, действительно весьма достойной, персоны, мы должны сразу сказать, что Генри Трастайм был достойнейшим членом академической общины, поглощенным своим делом литературоведом, выдающимся экономистом, ведущим историком, непревзойденным советологом и даже признанным биологом в области холоднокровных и амфибий. И все-таки главным его делом, призванием жизни была лингвистика со специализацией по префиксам и суффиксам, этим бесчисленным русским частичкам, которые он воспринимал как некие языческие орды, рыщущие в пустынных степях в жажде еще большего опустошения и без какого-либо другого смысла, но тем не менее исполненные безнадежного романтизма.

Тем временем что-то происходило в коридоре, смежном с холлом, где несколько служащих постоянно сидели на страже, отгораживая своего обожаемого президента от хищных журналистов. Он услышал гнусавый голос своего японского друга Та-туя Хуссако и фальцет библиотекаря Филиситаты Хиерарчикос, сопровождаемые возбужденным чириканьем трех младших сотрудников, известных как трио Розы, Пинки и Монти Блю.

Мы не можем не указать здесь, что достопочтенный Генри Тоусенд Трастайм был постоянной мишенью газетчиков. В городе ходили слухи, что президент Тройного Эл собирается вскарабкаться на американскую политическую сцену, а точнее, хочет бороться за место в сенате. Что касается наиболее «зловредных» сплетников, то они со значением наме-

кали на даже более важную информацию, просочившуюся из влиятельной группы «умеренно консервативных либералов». Трастайм обычно отметал это все как чепуху, однако в узком кругу друзей, особенно после поддачи, он не исключал резких поворотов в будущем. «Не вижу в этом ничего особенного, ребята. Если уж мне случилось подменить на саксофоне Джерри Маллигана в Западном Берлине в самые мерзкие дни „холодной войны“, если уж я плавал на плоту вниз по Иртышу вместе с сибирскими хиппи-столбистами, что мне может оказаться не по зубам?»

«Это возмутительно, сэр!» – синхронно вскрикивали Роза, Пинки и Монти Блю. Сразу после этого стало ясно, что Линия Мажино прорвана. Дверь кабинета распахнулась, и резко вторгся некий юноша, голубоглазый и любезный.

– Добрый день, доктор Трастайм! Как поживаете? Не нужно нервничать, сэр, я не репортер. Я просто агент ФБР, Джеймс Доллархайд к вашим услугам. Зовите меня Джим. Очень приятно познакомиться.

– Миллионы извинений... хм... Джим... Я не очень-то подготовился к вашему визиту... хм... Джим, – ядовито проговорил ПТ.

– Ну проблем! – вполне грациозно Джим вернул «миллион извинений» их хозяину. Станным образом яд этой реплики почти немедленно испарился вслед за самим миллионом. – Не хочу тратить впустую вашего драгоценного времени, Генри. Я здесь для того, чтобы поговорить о вашем новом фэллоу, Филларионе Ф. Фофановфе.

Первым побуждением Генри Трастайма было вызвать Каспара и попросить его показать выход этому нахальному молокососу. Вместо этого он предложил ему кресло и порцию своего терпкого напитка. Позже, пытаясь проанализировать этот неожиданный взрыв любезности, Генри пришел к заключению, что этот молодой человек какой-то непостижимой и ошеломляющей цепью ассоциаций соединился у него в уме с армейской казармой, в которой осенью 1956 года юный Трастайм ждал демобилизации.

– Фил Фофановф в такой же степени шпион, в какой он розовый фламинго. Он любимец академической общины мира... Сотни, если не тысячи ученых всех полов и убеждений посещали его знаменитую квартиру, вернее, его скандальную берлогу в Кривоарбатском переулке на Старом Арбате. Больше двадцати пяти лет тупая бюрократия не давала ему выехать за границу, даже в социалистическую Польшу, а вы знаете, что советские шовинисты говорят про Польшу: «Курица – не птица, Польша – не заграница». Фил всегда был под наблюдением властей. Они видели в нем сомнительную парадоксальную личность, реального или потенциального возмутителя спокойствия, неуправляемого экспериментатора в собственной жизни и в области общественных вкусов, и это, в общем-то, довольно верно.

Но, разумеется, тупые башки не могли принять во внимание, что он просто ребенок, последний романтик, осколок Ренессанса, гений-гуманитарий, оплодотворяющий своих слушателей неистощимыми эякуляциями вздорных идей...

– Впечатляюще! – прошептал Доллархайд. Стараясь не проронить ни слова, он все кивал Трастайму, ободряя того к дальнейшему рассказу.

– Ну что ж, – продолжал Трастайм. – Я был просто не в силах понять, почему они так жаждут изоляции этого человека в границах Кривоарбатского переулка, в свалке его книг и рукописей, или в рамках случайных приступов дебоша по родной Москве, в лучшем случае – во время вылазок на Кавказ или Камчатку. Слава богу, его любимая тюрьма простирается на одну шестую часть земной суши, хотя и без выхода к Лондону или в Венецию, не говоря уже о Яйце в дистрикте Колумбия.

Однажды он едва, правда, не покинул свою страну, едва не отправился в дальний путь, но опять же не на Запад. После того как «Аполлон-9» успешно сел на Луну, советские вожди пришли в неистовство. Величие СССР было под угрозой. Построить аппарат, который гарантировал бы пилотируемый полет с возвратом, они не могли, поэтому разработан был

трехступенчатый план. Первая ракета должна была доставить на Луну пустой возвратный модуль, вторая привезла бы луноход и, наконец, третья прибыла бы с товарищем камикадзе. Задача последнего состояла в том, чтобы сначала найти луноход, потом доехать на нем до модуля, влезть в модуль, взлететь на орбиту Луны, состыковаться с крейсерской ракетой и уж тогда вернуться на одну шестую часть земной суши, чтобы насладиться поцелуями Политбюро.

По счастливому стечению обстоятельств Фил Фофановф оказался в это время в разреженной атмосфере вулканической станции на Ключевской сопке. Туда прибыла военная комиссия, чтобы набрать добровольцев для лунной экспедиции. Никто, однако, не захотел попытать счастья, кроме, разумеется, доктора Фофановфа. Комиссия, сияя, спустилась из разреженной атмосферы; доброволец-дурак найден! Впрочем, их тут же отрезвили: даже «Аполлон» не взлетит с таким пассажиром. Так что Фил снова провалился со своей страстью к путешествиям. В принципе его раблезианское тело спасло ему жизнь. Больше никто ни звука не слышал об этой лунной экспедиции, что означает два варианта: либо добровольца не нашлось, либо гробанулись...

– Вы бы не возражали, Генри, если бы я спросил, каким образом вы оказались освещены об этих удивительных событиях? – спросил Джим не без трепета.

– Мой дорогой сыщик, – вздохнул достопочтенный ПТ, – Фил Фофановф – один из моих ближайших друзей, если не мое альтер эго. Мы знаем друг друга уже четверть столетия. Он был сотоварищем многих моих прошлых безобразий, если это был я, а не мое трансцендентальное отражение. Понимаете, что я имею в виду?

– Очень понимаю, – тихо сказал Доллархайд. – Эра зарождения самой идеи Молодого мира – трансцендентальные отражения.

Президент Трастайм с полминуты молчал, переваривая идею Молодого мира, а потом воскликнул, будто его разбудили толчком в бок:

– Bravo! Клянусь музой ихтиологии, вы вернули мне веру в правительство Соединенных Штатов!

Фил Фофановф, – продолжил он, – всегда всех озадачивал. Он мог предстать то прилежным ученым, настоящим трудоалкоголиком, то возмутительным оболтусом и бездельником. В течение одного часа он мог показаться обаятельнейшим, любезнейшим малым и полным хамом, выказывающим омерзительное невнимание к собеседнику, что случалось, когда какая-нибудь идея захватывала его целиком. А его идеи! Он был истинным генератором идей, как гениальных, так и попросту вздорных. Типично ренессансный субъект! Чем только он не интересовался, однако больше всего душа у него лежала к лингвистике. Мы с ним и сблизились на почве лингвистики, хотя и бились много раз из-за проклятых русских префиксов и суффиксов. Я обычно лупил его в пузо, а он меняогревал вдогонку по лопатке...

– То есть я могу предположить, сэр, что вы дрались в буквальном смысле? – спросил Джим осторожно. Трастайм кивнул, подтверждая это предположение. Джим тогда задал еще один важный вопрос: – Он диссидент?

– Ни в коем случае! – воскликнул Трастайм, как будто задетый за живое. – Фил Фофановф в такой же степени диссидент, в какой он балетный танцор! Разумеется, ОНИ – вы знаете, кого я имею в виду – имеют все основания его не любить, однако не из-за политической активности, а скорее из-за духовной анархии, которую он источает с каждым выдохом своих легких кашалота. Он жил всегда так, будто не замечал ИХ, будто ОНИ не существуют, и этот подход вызывал ярость в правящих кругах.

Позвольте мне сказать вам, мой мальчик... хмм... пожалуй, довольно странный способ обращения к агенту ФБР, но... многие университеты приглашали Фила год за годом. Мы, например, возобновляли наше приглашение двадцать восемь раз. Он получал почетные степени всех институтов Лиги плюща, был заочно избран членом нашего совета, и все без

толку. Вы знаете, как действуют эти «больши»; раз уж они постановили кого-нибудь не пускать, никогда не уступят.

– Но разве он не прибывает завтра самолетом Аэрофлота?

– О, да! И это означает, что там действительно происходят значительные изменения. Я приравнял бы это к легализации оппозиционной партии.

Достопочтенный ГТТ встал и прошелся по великолепному персидскому ковру по направлению к картине, изображающей его любимую хрящевую рыбу, ксифиус гладиус, подкласса цельноголовых, что появилась на лице Земли что-то вроде ста миллионов лет назад. Боже, откуда она появилась? Он чувствовал странную нервозность, какое-то несообразное соединение еле различимых промельков старых мечтаний и раздражающих угрызений. Черты лица молодого человека вызвали в нем какие-то туманные видения прежних дней и ночей, одно из его прежних «эго», которые так трудно соединить с ним сегодняшним. Тот прыщавый солдатик-оболтус, сохнувший по... по чему?... по кому?..

– Теперь вы видите, спецгент, почему я решительно отмечаю любые подозрения в отношении Филадельфии, – сказал он сухо. – Да и вообще, я не вижу никакого смысла шпионить в Тройном Эл. У нас нет никаких секретных материалов.

Те глаза, те чертовы невинные глазки, те сказочные полеты воображения...

– Вы вообще-то откуда, Джим?

– Из Монтаны, сэр, – ответил владелец невинных глаз и добавил с явным желанием усилить впечатление от его невинности: – Говорят, что у вас тут имеется очень изощренная электронная защитная система, это верно?

– Конечно, конечно, но наша система покрывает только очень редкий оригинальный материал. Во всех остальных случаях все тексты, чертежи, рисунки и прочее стоят на компьютере и доступны любому. Я думаю, что эта утечка из Москвы, о которой вы мне говорили, не что иное, как глупая шутка. Почему вы вздрогнули, Джим?

Спецгенту не хотелось, чтобы утечка из Москвы оказалась глупой шуткой.

– Нет-нет, ничего, простите, Генри, это просто рефлекторно... Значит, я могу предположить, что этот замечательный джентльмен Филларий Флегмонтович Фофанов начнет у вас работать через пару дней?

Генри Трастайм улыбнулся, как бы предвкушая дивную встречу.

– Его уже ждет отдельный кабинет в Галерее Гей-Люссака. Комната с голубыми стенами, все голубое. Какого черта вы все вздрагиваете, Джим?

– Простите, сэр... это просто, вы знаете... ну... такая удивительная комбинация... голубая комната у Гей-Люссака... Позвольте мне прежде всего вас заверить, что доктор Фофанов – забавное имя даже для русского, не так ли? – которым я уже, после ваших фантастических историй, заочно восхищаюсь, ни в коем случае не является объектом какого-то специального расследования. Мое любопытство было вызвано просто совпадением его приезда с некоторыми, пожалуй, слабыми струйками только что полученной и неподтвержденной информации. Однако, просто чтобы предотвратить возможность неприятных последствий, которые могут возникнуть из-за этого абсурдного совпадения, я надеюсь, вы не будете возражать против моего короткого пребывания в Тройном Эл в качестве, скажем, молодого ученого из провинциальной Монтаны?

Спецгент Деллархайд осознал свой ляп еще до того, как закончил свой замысловатый пассаж. Достопочтенный ГТТ, президент Либеральной лиги Линкольна встал перед ним, подбоченившись. Губы его искривила сардоническая усмешка. Затем он поднял руку над головой и сказал:

– Видите эту грешную руку, юный сыщик? Следите за ее движением!

Описав полукружие в благородном воздухе знаменитого учреждения, грешная рука опустилась на низ живота господина президента и несколько раз подпрыгнула в этой области, как бы говоря: «Вот все, что вы от меня получите».

– Надеюсь, намек понят, – продолжил почтенный ГТТ с исключительным кавалерством. – Этот красноречивый жест древних скифов был возрожден советскими полярниками тридцатых годов. Сообразительная молодая ищейка, каковой вы, несомненно, являетесь, может легко перепрыгнуть от тех кочевников к современным бродягам русского алфавита, похожим на латинские буквы Икс и Игрек, а также к их младшему брату И краткому. Я ясно говорю? Рад, что вы правильно поняли. Теперь позвольте кое-что добавить. Я чертовски извиняюсь, Джим, но если я когда-нибудь увижу вас в помещениях Тройного Эл, у меня не будет другого выбора, как защитить свой институт от вашей сверхревностной опеки. Вам понятно?

– Еще бы, сэр. – Доллархайд поднялся и предложил Трастайму прощальное рукопожатие вместе с понимающей и немного меланхолической улыбкой. Трастайм протянул ему руку и вдруг отдернул ее, будто ударенный электричеством. Вместо того чтобы с галантным сарказмом проводить своего назойливого, хотя и приятного, незваного гостя, он сел на краешек стула, уронил голову и начал выборматывать какие-то абсурдные сгустки слов: «О, память... эй, Роджер, моя очередь... те страницы, то лицо... память все еще гложет... то тело, та улыбка... Роджер, слышишь?..»

Спецагент Доллархайд вежливо поклонился и вышел из президентского кабинета, спасая себя тем самым от головокружительного парашютирования к самым истокам Молодого мира, а именно к армейским казармам, очарованным глянцевыми портретами Мисс Монтана-1956. «...Те ночи... фонарики под одеялами... те сказочные перелеты...»

Проходя через гулкий, тускло освещенный коридор в президентской секции Яйца, Джим уловил чей-то быстрый промельк под высоким потолком. Не одна ли из Валькирий? Можно предположить, что даже хорошо тренированный агент ФБР, каковым Джим, несомненно, являлся, мог испытать не очень-то комфортабельное чувство под парящей Валькирией. Он вышел из Яйца и поблагодарил обелиск Вашингтона за его убедительное участие в солнечном, воздушном, деловом дне вполне реальной эспланады.

Маскировки и трансформации

Джим прикатил в международный аэропорт имени Далласа задолго до прибытия аэрофлотовского рейса. Хотя ничего драматического и не предвиделось и единственной его целью было мимолетное знакомство с «объектом», он хотел, чтобы начало операции было отмечено высшим классом. Нота высшего профессионализма правильно настроит весь концерт.

В «Информации» ему сказали, что пассажиры советского лайнера будут выходить либо из выхода А, либо из выхода Ф-12, в зависимости от того, какой выход будет объявлен первым. Между двумя этими пунктами лежало пространство размером с футбольное поле, так что преждевременное прибытие для организации потаенного наблюдения вовсе не было занудством.

В окрестностях выхода А имелись приятные, хорошо дизайнированные контрразведывательные удобства, а именно: газетно-журнальный киоск, магазин подарков и закусочная, в то время как Ф-12 не мог предложить ничего, кроме кресла для чистки обуви. К счастью, между А и Ф-12, как раз на полпути, располагался блок туалетов, и это давало спецагенту хорошую возможность для быстрого изменения наружности: он мог легко нырнуть в одну из двадцати четырех имеющихся мужских или женских кабинок, чтобы прилепить удлинение к своему носу, или напаялить рыжий парик, или сменить академический твидовый пиджак на кожаную пилотскую куртку... по обстоятельствам.

Через десять минут, потягивая чай со льдом в кафетерии, Джим заметил в толпе, вернее, над толпой, говорящие головы президента Трастайма и начальника охраны Тройного Эл Каспара Свингчэара. Два высоких господина медленно двигались к выходу А. Они казались членами одной команды, хотя первый был строен и безукоризненно одет, в то время как штаны и рубашка второго под постоянными наступательными акциями пуза готовы были в любой момент распрощаться.

«Все-таки у морской пехоты пятидесятых есть некоторые основания для гордости», – подумал Джим и быстро нырнул под защиту газеты «Вашингтон пост». Прячась за этой надежной и влиятельной газетой, он прилепил кустистые брови и баки на соответствующие участки лицевого пространства. Сделав это, он прижал большой палец к ободку своих, мягко говоря, не совсем обычных очков, чтобы активизировать вмонтированный в них направленный микрофон. И как раз вовремя. Чудо современной технологии немедленно стало вылавливать из гула толпы обрывки довольно ценной информации.

Достопочтенный ГТТ: «Перестань, Каш... он тебе понравится... Мы с ним корешились в Москве, как когда-то корешились с тобой в Токио... Поверь, московские ночи шестидесятых стоили токийских рассветов пятидесятых...»

Каспар Свингчэар: «На фиг твои ночи и рассветы... с тех пор, как я стал твоим начальником охраны, Генри, я резко переменяю свое мнение обо всех этих гудилах вашей вшивой академической братии, особенно о паразитах из „Старых стран“...»

ГТТ: «Раньше никогда не замечал за тобой склонности к шовинизму, Касп. Всегда держал тебя за гражданина мира. Гош, в траншее демилитаризованной зоны я слышал, как ты насвистывал Шостаковича...»

Свингчэар: «Заткнись со своими воспоминаниями, парень! Как выглядит эта твоя советская задница?»

ПТ: «Когда-нибудь видел кентавров?»

Свингчэар: «Хел-дамит-дади-мак, пока что не приходилось».

ГТТ: «Сегодня увидишь одного».

Еле слышное и почти неразборчивое объявление по аэропортовским громкоговорителям все же информировало, что выход А вряд ли будет подходящим местом для встречи кентавра. Джим бросился со всех ног к выходу Ф-12, прыгнул в возвышающееся, как трон, кресло чистильщика обуви и сказал дежурному философу:

– Видите, я типичный венецианец, а мы там в Венеции знаем законы отражения. Пусть мои ботинки сияют и отражают, как венецианские зеркала, договорились?!

Сразу же он был снабжен доброй порцией мизантропии:

– Может быть, в Венеции обстоит по-другому, но здешний народ не достоин отражения в хорошо отполированных штиблетах.

Чистка началась. Джим похвалил себя за исключительную маскировку. Он смело встретил взгляд приближающегося профессора Трастайма и даже не сразу удивился, когда тот сказал с полной невозмутимостью:

– Перестаньте валять дурака, Доллархайд!

Ну и ляп! Неопытный новичок контрразведки был бы ошеломлен и угнетен таким провалом на целые месяцы. Джим Доллархайд был не этого десятка. Стиль жизни городского профессионала, йаппи, научил его находить определенную поэзию в постоянном чередовании взлетов и провалов. Выслушав завершающее рычание мизантропа – «ваши чертовы венецианские зеркальщики съедят свои шляпы из ревности», – он бросился в уборную, где добродушный рыжекудрый венецианец был быстро заменен вызывающим германским мужланом в кожаной куртке левацкого комиссара. Он появился у выхода Ф-12 как раз вовремя.

Слоноподобная личность только что вышла из тоннеля. Конечно, невероятное туловище с могучими руками и ягодицами не могло не вызвать у иной изощренной публики воспоминаний о мифических бестиях Эллады, однако большинство клиентов аэропорта имени Далласа, если даже и замечало это тело, не видело в нем ничего более, чем обыкновенного увальня с северных равнин, если, конечно, оно, большинство, не вглядывалось в черты его лица. Если же оно вглядывалось, то, разумеется, замечало причудливые гримасы этого лица и, несомненно, улавливало пары иностранного бренди, выделявшиеся с каждым движением мимических мышц.

Передвигая застежку-«молнию» на своей куртке, Доллархайд сделал несколько снимков объекта. Объект ему понравился в этот раз даже больше, чем на просмотре слайда в кабинете начальства, хотя советский не выказывал никаких признаков экзальтации в связи со своим первым в жизни заокеанским путешествием. Тем временем в глубине левого внутреннего уха спецаргента звучал спокойный, немного хриплый, хоть и высокий по тембру голос, производящий серию маленьких взрывов с каждым звуком «п» и «т». Профессор Фофанофф обращался к администрации Тройного Эл.

– ...До чрезвычайности сожалею, джентльмены, что представляю из себя столь отталкивающее сопорифическое зрелище. Усыпляющая комедия, которой нас развлекали в дороге, горсть транквилизаторов, чтобы подавить воображение, и дюжина двойных порций армянского коньяку, чтобы осмыслить концепцию моей переперигинации как таковой, все это сделало свое дело.

– Добро пожаловать в Америку, долгожданное привидение, – воскликнул Трастайм и восхищенно обнял Фила Фофаноффа, точнее одно из его гигантских плеч.

– Что касается сопутствующих затрудненностей, – продолжил советский джентльмен после объятия, – я должен признаться в полнейшей утрате бумажника вместе с его содержимым. Это плачевное событие оставило меня существенным образом импекьюниус...

– Что-что? – спросил ошарашенный Каспар Свингчзар.

– Остался без денег, – пояснил Трастайм, давно уже знавший манеру Фила изъясняться по-английски.

– А где ваш багажный квиток? – спросил начальник охраны. Фофанофф начал шарить в бездонных карманах, потом испустил вздох и промямлил:

– Если сказать ин орто...

– Как сказать?! – Каспар испустил шипение как бы от лица всей оскорбленной Вирджинии. – А вам не кажется, друг, что вы не в ту страну заехали?

Филларион продолжал рыться в карманах. Позднее он признался, что не понимал ни слов, ни смысла этого вирджинского возмущения.

Трастайм дружески пихнул кентавра своим костлявым плечом и прошептал в его неожиданно свежее и розовое ухо, которое просвечивало сквозь ирландский мох бакенбарда, словно вполне съедобный гриб:

– Не обращай внимания, этот брюзга тебе позже понравится. Ну, что ты хотел сказать ин орто?

Доктор наук Фил Фофанофф пожал плечами и вздохнул.

– В добавление к упомянутой выше суровой беризементации я должен признаться, что утратил контроль над соответствующей документацией, касающейся моего импедимента.

– Короче говоря, нет ни денег, ни квитка на багаж, – перевел президент Трастайм своему начальнику охраны.

Живописное трио тем временем медленно, но неуклонно двигалось по направлению бара «Завсегдатай небес». Вдруг кто-то обратился к Генри Трастайму с безупречной сердечностью:

– Господин Трастайм, сэр! Какому событию я обязан этой неожиданной встречей?

Этот неподражаемый русский акцент! Трио повернулось и увидело мужчину средних лет в аккуратном костюме-тройке, с аккуратными усиками и аккуратнейшей прической, иными словами – сама аккуратность и компактность. Ба, советник Черночернов, какими судьбами! Ну конечно же, это не кто иной, как советник по садовым культурам из советского посольства. Товарищ Черночернов лично. Нечего и говорить, его появление в аэропорту не имело никакого отношения к прибытию доктора Фофаноффа; он просто провожал группу голландских тюльпановодов. И вот, какое счастливое совпадение – провожать группу голландских тюльпановодов и сразу после этого познакомиться с гордостью советской гуманитарной науки! Нет-нет, я не льщу, дорогой товарищ, ваши заслуги признаны во всем мире, иначе уважаемый вашингтонский институт не выбрал бы именно вас из множества блистательных советских ученых. Браво, браво! И позвольте мне также сказать, даже рискуя показаться излишне патриотичным: нельзя не аплодировать мудрости нашего нового руководства за утверждение такого масштабного научного обмена. Перестройка в действии, джентльмены!

Генри Трастайм не мог поверить своим глазам и ушам: советский официоз заискивает перед скандальным Фофаноффым.

– Выпьем за новую эру, за новое мышление! – воскликнул Черночернов в баре.

В следующий момент бокал, наполненный ничем не меньше, как «Дом Периньоном», вырвался из его рук, будто подхваченный волной какого-то непостижимого сотрясения, и разлетелся об стенку. Странный объект, очевидная причина этого сотрясения, висел в воздухе «Завсегдатай небес». Продолговатый и чешуйчатый, он напоминал бы селедку, если бы в то же время он не напоминал ракету «земля-воздух».

Выбив бокал из руки советского дипломата, «селедка» продолжила свой замысловатый, явно разведывательный полет, наугад раздавая мощные шлепки клиентуре бара. Все были ошеломлены, кто-то громко рыгал. Что за адская «селедка»? Послышался дикий вопль: «Я это заслужил!» Истерическое хихиканье. Каждый считал, что это уж, знаете ли, слишком.

– Внимание! – взревел вновь прибывший профессор.

«Селедка» остановилась в воздухе. Она светилась изнутри и явно занимала позицию для атаки. Все онемели, кроме двоих. Первый, некий храбрый германец, перепрыгнул через стол и замер, держа пистолет двумя руками. Второй, а именно Филларион Флегмонтович Фофанофф, просто схватил «селедку» за ее мощный, похотливо дрожащий хвост. Результат этой спонтанной и, пожалуй, примитивной акции превзошел самые оптимистические ожидания. Внутреннее свечение моментально угасло, и объект (или субъект?) задержался в отчаянных конвульсиях. В конце концов он вырвался из кулака Филлариона и немедленно растворился в табачном дыму.

Позже, когда Генри Трастайм спросил своего друга, как тому удалось продемонстрировать такую безупречную смелость, профессор Фофанофф выступил с несколько туманным признанием: «Верь не верь, старик, но мне всегда в метафизическом плане нравилось принимать желаемое за действительность».

Глава вторая

Генеральная репетиция

Через неделю после прибытия Филларион Фофанофф выступил с лекцией в рамках послеполуденных сессий Тройного Эл. Название лекции звучало так: «Советские шестидесятые. Генеральная репетиция Перестройки?» Первая же метафора, которую он использовал в своей презентации, потрясла аудиторию.

– Вообразите себе картину, господа: первые трещины на безжизненной поверхности асфальтовой пустыни социалистического реализма и поднимающиеся из них к ужасу ошарашенной бюрократии первые травы Ренессанса, пусть бледные, но упорные... «Поэтическая лихорадка» и «гитарная поэзия»... «Новая волна» в советском кино и «молодая проза»... Новые театральные коллективы и возрождение великого русского авангарда в живописи... «Новый мир» и дискуссионные клубы в городках науки... Первые ростки борьбы за права человека и «Самиздат»...

Первый, первая, первое... Аудитория обменивалась многозначительными взглядами: кто бы мог подумать, что советский гость, хоть и «птичка гласности», окажется таким откровенным, спонтанным таким, прямо скажем, антисоветским?

Откровенно говоря, еще за день до сессии никто из членов совета не был уверен, что московский ученый согласится на председательство почтенного девяностолетнего мудреца старой белогвардейской школы Александра Евтихиановича Пулково-Бреднеколесниковского, которого все звали «Ал». Прежде советские гости из всех сил старались избегать «эмигрантского отребья», высказывая в лучшем случае холодную вежливость, если не открытое недоверие. Профессор же Фофанофф просто вскричал в полном восторге: «Какая удача выпала на мою долю! Увидеть живую легенду, властителя дум всей мыслящей России!» Вслед за этим он предложил Алу крупнейшее объятие.

Нечего и говорить, обнявшаяся пара, заняв немало квадратных футов возле стола с бутылками хереса, дала сильный толчок постоянно угасающим надеждам на конвергенцию. Во время ленча Фил и Ал время от времени предавались углублению в свои родословные, пока, к общему триумфу, звено, соединяющее два их клана, было найдено в лице его превосходительства адмирала фон Котоффа. Скоростные клипперы адмирала когда-то терроризировали канадских браконьеров вдоль восточного побережья Камчатки. На рассвете пролетарской диктатуры адмирал был заклеен как клеветник хищнического российского империализма. Впрочем, в нынешние времена сильной зрелости пролетарского государства он был признан как выдающийся географ и сеятель просвещения среди малых народов Севера.

В процессе лекции Филларион безгранично пользовался феноменом, известным в академических кругах как «язык движений». Посреди валящихся восклицательных и вопросительных знаков он вдруг вздымал свои гигантские верхние конечности и давал им обрушиться, как мощному фонтану, в то время как его рот извергал остатки спагетти помилански, что он столь небрежно жевал во время предшествующей дискуссии за ленчем.

Мы помним, конечно, что нашему храброму спецагенту Джиму Доллархайду вход на эту лекцию, да и вообще в помещение Тройного Эл был заказан. Однако с помощью современной технологии он наблюдал всю конференцию со строительных лесов на другой стороне авеню Независимости. Нет-нет, думал он, этот малый не может быть шпионом. Какой шпион когда-нибудь пристегнет пиджак к жилету? Все что угодно, но только не это!

Большое возбуждение было вызвано пением Филлариона, когда он с вдохновением исполнил московскую уличную песенку шестидесятых:

Марья Петровна идет за селедочкой,
Около рынка живет.
А над Москвою серебряной лодочкой
Новенький спутник плывет.
Марье Петровне жалко целкового.
Три ему дать али пять?
А над Москвою-то спутник, как шелковый,
Новенький мчится опять.

Далее он поведал пораженной аудитории, что распространение этой песенки заставило Политбюро привести в состояние боевой готовности антиповстанческие войска и отряды спецназа.

Достопочтенный Генри Трастайм сиял: его кореш штурмом взял привередливую аудиторию. Либералы, которые, разумеется, составляли большинство, торжествовали: посмотрите, как он естественен и как открыт! Ни малейшей доли доктринерства не угадывается, ни малейшего инструктирования! Вот вам Ее Великодушие Гласность! Не следует ли нам отбросить весь этот вздор об Империи зла?! Если даже он и уникален среди советских ученых, которые обычно выглядят, следует признать, несколько скованными и напыщенными, все-таки ведь именно его выбрали для приезда сюда в данный момент. Не означает ли это, что советские хотят расширить наш диалог, преодолеть мерзкие пережитки «холодной войны», культа личности, назовите, как хотите?..

Что касается консервативного меньшинства, то оно пребывало в состоянии прохладной, но дружелюбной сдержанности, сохраняя верность своему нынешнему лозунгу: «Доверяй, но проверяй». Впрочем, один почтенный джентльмен, а именно заместитель директора Пит Клентчиз осторожно осведомился у начальника охраны Каспара Свингчэара, не намерен ли доктор Фофанофф попросить политического убежища. В ответ дюжий охранник пожал плечами, что могло и означать, что он не удивился бы.

Все иностранные сотоварищи Либеральной лиги Линкольна приветствовали москвича без оговорок. Утонченный аргентинец Карлос Пэтси Хаммарбургеро аплодировал. Индийская композиторша, два польских историка (один от правительства, другой от «Солидарности»), израильский экономист, высокопоставленный румынский чиновник, беглый эфиопский посол, – все были впечатлены спонтанностью доктора Фофаноффа и его пузырящейся эрудицией. Что касается японского исследователя Татуи Хуссако, то он, демонстрируя набор своего самого отменного хихиканья, подошел к москвичу и представился как Федор Михайлович, что было, по его мнению, русским эквивалентом его имени. В вашем лице, доктор Фофанофф, сказал он, я вижу вечнозеленый дуб великой русской культуры.

Увы, ни одна компания не обойдется без нахала, и Либеральная лига Линкольна не была исключением из этого исключения. Даже и среди всеобъемлющего восторга чувствительная персона – а доктор Фофанофф был исключительно утончен под своей слоновьей кожей – может уловить возникающую где-то волну враждебности и вызова. С сожалением мы должны признать, что эта отталкивающая волна исходила от самой привлекательной личности в толпе ученых, а именно от лиловоглазой тридцатидвухлетней Урсулы Усрис, кандидата наук из Австралии.

Цветущая личность, истинный символ освобожденной женственности, с гибким, хорошо тренированным телом, определенно выделялась из несколько доскоподобного женского контингента Тройного Эл. Стоя в позиции фехтовальщика, проверяющего кончик своей рапиры, она бросила искоса взгляд на нашего триумфатора и не очень церемонно спросила по-русски:

– А вы не врете?

Филларион был огорошен. Сначала он вдохнул такое огромное количество воздуха, что многие почувствовали головокружение, внезапно оказавшись в разреженной атмосфере. Потом он выдохнул в два раза больше воздуха, создав тем самым порыв сродни Карибскому урагану.

– Что вы имеете в виду, милостивая государыня?

Она вызывающе рассмеялась.

– Камнями по воронам! – ох, уж эти австралийские выражения! – Вы не преувеличиваете свою «генеральную репетицию»? Ваш так называемый поиск чистоты действительно существовал когда-нибудь? Простите, старина, но мне трудно не предположить, что все эти трали-вали, ваши «движения» не что иное, как жалкие попытки русских нытиков и слабаков имитировать западную моду.

Он задохнулся от возмущения.

– Простите, сударыня! Вы посягаете на наш Ренессанс!

В толпе отозвалось: постыдитесь, постыдитесь, сударыня!

Улыбка Урсулы, лучшее, что может предложить стоматология Южного океана, пронзила Филлариона будто смертельный лазерный луч.

– Струве! Я и гроша не дам за ваш говенный русский Ренессанс!

Резкий разворот... взлет каштановой гривы... Боги, милосердные боги Балтики, ее тылы могут гордо конкурировать с фронтами!.. уходит, как королева.

– Великодушные дамы, благородные господа, ради Небес, кто она?

– Да конечно же австралийка, мы их тут зовем «оссис», сэ.р.

Теперь вообразите картину: великолепный ученый-женщина гордо вышагивает по пересекающимся переходам знаменитого института, в то время как президент этого института, почтенный Генри Трастайм трусит позади нее, подобно заместителю премьер-министра, трусящему за премьер-министром в одной из тех стран, которым повезло быть под управлением матриархата.

– Урси, подожди! Доктор Усрис, умоляю! – взывал он. – Поговорим как ученый с ученым. Не думай, что я хочу воспользоваться нашими прошлыми, столь взаимно благотворными отношениями. Я просто хочу признаться, что мне было очень прискорбно видеть тебя в приступе русофобии. Доктор Усрис, вы признаны повсюду как великий знаток их междометий, как теоретик их апокрифов... Конечно, я припоминаю, как вы однажды сказали, что предпочли бы изучать их как древних греков... однако, я надеюсь, вы не хотели сказать, что предпочли бы их изучать мертвых... о, нет... позволь мне заверить тебя, Урси, я и сам иногда разделяю твои сомнения в их достижениях, но все-таки то, о чем сегодня говорил Фил, я знаю из первых рук. Просто потому, что мне случилось быть участником тех событий и, пусть я опущусь еще ниже в твоих глазах, тех вакханалий... так что... как бы чайльд-гарольдски для серьезного ученого ни прозвучал доклад Филлариона, все-таки было в этом зерно истины...

– Это правда, что у него была кличка Хобот в его Кривоарбатском переулке? – Урсула в конце концов снизошла до вопроса.

– Ну конечно! – ГТТ радостно подхватил вопрос как добрый знак будущего примирения. – В нашей шайке мы перевели его кличку на «Пробосцис». Ему это даже больше нравилось. Пробосцис? Звучит?

– Очень даже, – она серьезно кивнула. – У меня всегда была склонность принимать глупые метафоры за отражение реальности.

Прощаясь, она последовательно преподнесла президенту улыбку, подмигивание и мощный шлепок по его тощим ягодицам.

– Ты должен мне рассказать подробнее об этой лиловоглазой даме, – настаивал Филларион, когда друзья остались одни в Гостиной Диогена, среди стекла и красного дерева, над панорамой американской столицы. – Клянусь, я выслежу истоки ее русофобии до самых глубинных тайников, размотаю истину до полной обнаженности! Так что, Сакси, не тани и расскажи мне, почему доктор Усрис так яростно нас не любит!

Генри смутно улыбнулся, услышав свою кличку старых времен, внезапно выскочившую из забвения. Сакси, человек с саксофоном.

– Не забывайся с метафорами, Пробосцис! Если она решит когда-нибудь размотать перед тобой свою истину, она просто спросит, не хочешь ли ты прокачать систему.

– Что это значит – прокачать систему?

«Что это на самом деле значит?» – подумал третий участник беседы, невидимый ни Сакси, ни Пробосцису.

У спецagenta Джима Доллархайда, застывшего на строительных лесах возле Федерального монетного двора, все ушки были на макушке, вернее, вся электроника была на заднице.

Сверхчувствительное устройство, что высывалось из заднего кармана его комбинезона и имело вид обыкновенной щетки для волос, помогало нашему контрразведчику следовать за малейшим изгибом диалога.

Между тем каждый следующий шаг в разговоре двух друзей уводил их все дальше и дальше назад из текущего момента с его щедрым разливом декоративных отражающих шэудов вдоль Вашингтонского мола, от зеркальных поверхностей, на которых новые выводы утят резво пересекали отражения торжественно парящих чаек.

– Между прочим, Фил, ты не думаешь, что наша самонадеянная красавица в чем-то права? Тебе никогда не приходило в голову, что мы преувеличиваем достижения шестидесятых на обеих сторонах Атлантики? Отдавая должное нашему поколению со всем его спектром вдохновений, я не могу не признать, что ярчайшим моментом того времени для меня до сих пор является безобразнейшая Свалка-68 в ресторане «Искусство» на углу Горького и Пушкинской площади. Будешь ли ты возражать, если я предположу, что та морозная ночь ранней весны со всем ее пьянством и чванством, хохотом и похотью, аканьем и траханьем, махаловкой и нахаловкой и с завершающим заключением в вытрезвительный центр «Полтинник» была лучшим воплощением твоей «генеральной репетиции», чем все абстрактные концепции духовных откровений, о которых ты сегодня говорил в своей блистательной лекции?

Филларион Ф. Фофанофф сморщил свое обширное лицо в гримасе, напоминавшей застывшее землетрясение.

– Давай лучше бросим эти глупые воспоминания.

– Почему? – энергично возразил Генри Тоусенд Трастайм. – Если не мы, то кто же вспомнит об этом внутри данного Яйца?

Уколы ностальгии

Да, это она виновата, она, мое незабываемое очарование. Именно Ленка Щевич поневоле, как обычно, начала катить тот снежный ком, Свалку-68.

Генри Трастайм вздохнул, вспоминая хрупкие плечики «своего очарования», вспоминая и самого себя в том году, розовощекого, с обмороженным носом, обмотанного драным оксфордским шарфом. В те времена он неустанно повторял свою любимую фразу: «Все любят И, а я И краткое!»

– Верно! – рев Филлариона Фофаноффа можно было бы сравнить с одновременным спуском воды в галюнах авианосца. – Немало мопсов поломали себе носы из-за этой чухихи!

Он припомнил кристально чистое небо той ночи, столь редкой в загрязненной атмосфере Москвы, когда он стоял на углу Горького и Пушкина, охваченный неудержимым желанием завалиться в ресторан «Искусство», прекрасно понимая, какой опустошительный удар нанесет это желание по его морали, не говоря уже о физиологии и финансах.

В тот же вечер два молодых актера из передового театра «Новый век», Борька Мурзелко и Ленка Щевич, мальчик и девочка, завалились туда же перекусить. В американской пьесе «Качели» укачиваешься до голодного обморока! Ленкины лживые глаза подобны паре голодных калейдоскопов. Слухи о моей распушенности чертовски преувеличены, дорогие братья по ремеслу и друзья советского театра! Некоторые гудилы заходят так далеко, что говорят, будто Ленка играла подводную лодку в компании пяти моряков. Фуй, какой вздор, да ведь это просто немыслимо ни по физическим, ни по моральным стандартам!

Борька, комсорг «Нового века», пожертвовал своей репутацией ради Ленкиного человеческого достоинства. Занудными часами утреннего похмелья он лепил ее скульптуру из импортного пластилина.

Вопреки установившемуся мнению, говорил Мурзелко, мы, современные актеры, не бессмысленный, необразованный сброд, просто строительный материал в руках режиссера. Молодой советский актер шестидесятых – гордая и смелая личность, приобщенная к передовым идеям, к современной философии Запада и Востока! Понимаешь меня, Ленка?

Ленка кивала, стараясь как можно быстрее покончить с горячим блюдом, известным здесь как солянка «зубрик». Она притворялась, будто полностью поглощена этим самым дешевым и самым популярным едалом (есть гудилы, утверждающие, что зубрик – это не что иное, как меланж из ресторанных остатков), и только изредка бросала искоса взгляды на соседний столик, где сидел ее четвертый муж. К двадцати годам Ленка сподобилась иметь на своем счету уже четырех законных мужей. Этот четвертый, собственно говоря «текущий», красивый дурак Александров, был известен широкой публике как Дитрих Фокс, изысканный эсэсовец, роль которого он играл в популярном сериале.

– Распутная тварь! – произнес Фокс-Александров, обращаясь ко всем присутствующим. Ублюдок до сегодняшнего вечера и думать не думал о существовании жены, однако сейчас ему захотелось сыграть роль обманутого мужа. Хочет, чтобы его побили, догадывалась она, вот именно этого он и хочет. – Почему? – Фокс-Александров подверг свой голос профессиональной акселерации. – Братцы, почему все мои жены обязательно проститутки?!

Все присутствующие повернулись к нему, и он, в соответствии с тем, чему его учили в актерской школе, зафиксировал позу невинного изумления.

– Почему, братцы?!

Ленка не поднимала глаз от тарелки, хотя и подсчитывала в панике: Артур, Мишка, Жека, Кока, Хобот, Иван, америкаша Сакси... по меньшей мере, семь родственных душ в округе, и все поддатые, и все готовы к бою, кошмар!

Все были готовы, кроме ее сегодняшнего рыцаря, актера нового интеллектуального типа, который, прожевывая свое сомнительное едало, продолжал развивать не менее сомнительную концепцию современной философии в ее приложении к московскому театру времен Великого Ренессанса, нравственного возрождения, в наши времена Поиска Чистоты, в поворотный момент русской цивилизации. Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые. Читала Тютчева, Ленка? Бенц!

Артур, не надо! Фокс, встать! Сейчас получишь хорошую плюху за свои грязные выпады в адрес благородной юной дамы, что путешествует в одиночестве по стране негодяев! Бенц! Где же Фокс? Не видите? Да вот он, ползет к выходу! Бей его в грешный зад, если еще веришь человечеству! Бенц! Кока, Жека, на помощь! Подонок! Да как ты смеешь бить в зад благородного русского актера?! Опять грузины! Эй, ребята, тут грузины бьют многострадальный русский народ! СОС! Бенц! Молчи, Баранкин!

«Искусство» вспыхнуло в один миг, как тот стог сена, о котором упоминал Лев Толстой, говоря о духовной революции. Первоначальная причина драки была немедленно забыта. Актеры и другие завсегдатаи печально известного богемного стойла в сердце «образцового коммунистического города», «столицы прогрессивного человечества» щедро обменивались всеми видами биток, бросков и захватов. Обмен шел без разбора и во всех направлениях. Многие предметы ресторанного обихода пошли в ход, особенно бутылки и вилки, а также стулья, скатерти, алебастровая березка, этот символ русскости, сковородки с незаконченной солянкой «зубрик», длинные и твердые болгарские огурцы, пригодные для разгона уличных демонстраций... Словом, искусство ради искусства.

Позже некоторые свидетели, то есть участники, поскольку никто в стопятидесяти-местном заведении не остался без дела, кроме Мурзелко, который тихо расплатился и ушел, погруженный в раздумья, вспоминали наиболее выдающихся бойцов. Среди них был, конечно, главный вышибала, отставной капитан дядя Володя (самый коварный), и, разумеется, боксер-тяжеловес, чемпион Европы Авдей Сашкин (самый мягкий), ну, и гигантский гуманитарий с Арбата Филларион Фофанофф – Хобот (самый сокрушительный), и один американский чудила, посол доброй воли Сакси Трастайм (самый забавный), а как же без него.

Последний нырнул башкой вперед в кучу малу, спас «свое очарование», Ленку Щевич из похотливых лап пяти кавказских пилотов. Перевернув несколько столов, он обратился к пяти парализованным от ужаса японским туристам с призывом создать незабываемый бастион свободного мира.

Милиция явилась с обалденным опозданием. Она окружила «Искусство», когда веселье было фактически окончено. Только те, кто не мог удерживать вертикальной позиции, оставались на полу. Некоторые из них храпели, другие зывали к духу пуританства, многие пели шлягер сезона «Мимоходом, мимолетом, пароходом, самолетом...».

Бой тем временем продолжался снаружи, вокруг монумента российской любви и славы. Некоторые предлагали взять здание Центрального телеграфа. Чемпион принял предложение возглавить временное правительство. Фил Фофанофф-Пробосцис украл ментовский мотоцикл с коляской и предложил прокатиться парочке цыганок. По неизвестным причинам он был одержим увидеть двух гигантов современного мира, Федора Достоевского и Карла Маркса. Сначала он поехал на Божедомку, где в саду Туберкулезного института стоит полузабытый пророк в ночной рубашке, сползающей с его грешных плеч. Оттуда отправился в самый центр, где вздымается гранитный Отец Коммунизма, с двумя перелетными птицами, нашедшими по пути с Кипра пристанище на его объемистой голове.

Потом Фил Фофанофф исчез из виду, а также из своих воспоминаний...

Двадцать лет спустя достопочтенный Генри Тоусенд Трастайм спросил своего друга профессора Фила Фофаноффа:

– Где же ты был до того, как мы на следующее утро столкнулись возле бочки с огурцами на Центральном рынке?

Разговор между двумя светилами гуманитарной науки проходил, напоминаем, в Диогеновой гостиниой Либеральной лиги Линкольна.

– Понятия не имею, – пробормотал Фил. – Последнее, что я помню, был огромный лозунг: «Коммунизм – светлое будущее человечества!» Мотоцикл нес меня прямо на него с ошеломляющей скоростью. В голове была только одна идея: «Красота спасет мир!» После этого полный провал, затем – бочка с огурцами...

Они оба вздохнули. Золотые шестидесятые! Молодая зрелость!

– Можешь себе представить, Пробосцис, я полностью потерял следы моей прелести Ленки Щевич. Ничего о ней не слышал с тех пор... – сказал ПТ.

– Она здесь, – безразлично пробормотал Филларион.

– Где?! Бога ради, где она?! – вскричал Трастайм с безудержной страстью.

– В Штатах. Я знаю точно, что она эмигрировала и поселилась где-то в Чикаго, – мямлил Фофанофф, растирая себе лоб и виски.

– Боже всемогущий! Она в Чикаго! – Трастайма бросало и в жар, и в холод. – Замужем? Отягощена семьей?

– Можно только догадываться, – сморщился Фофанофф.

По непонятным причинам он выглядел мрачнее тучи; явно впадал в депрессию.

Друзья не замечали изменений в настроении друг друга. Фофанофф встал.

– Прости, Генри, но воспоминания о той ночи или, вернее, провал в воспоминаниях всегда оставляет меня побитым и помятым, как благородный русский самовар в руках французских мародеров. Ты не возражаешь, если я тебя оставлю и отправлюсь на каток?

– Ну, разумеется, Ваше Превосходительство! – воскликнул Трастайм, даже не обратив внимание на странное направление своего протеза. Он был весь поглощен жаркими расчетами. Прошло двадцать лет. Ей сейчас сорок. Женщины этого типа могут совершенно не измениться! О, если бы она хоть наполовину осталась той же Ленкой Щевич! Друзья расстались.

Джим Доллархайд спрыгнул с лесов и бросился через авеню Независимости к тележкам уличных торговцев. Он купил пакет жареной картошки «френч-фрайз» и вышвырнул его содержимое в мусорную урну. Потом он купил губную помаду и с помощью этого дивного прибора нацарапал на картоне два слова: «эмоциональная нестабильность». Две толстые бабы смотрели на него с автобусной остановки.

– Че это мужик делает? – спросила одна.

– Мужик пишет губной помадой на пакете из-под картошки, – сказала другая.

– Понятно, – сказала первая.

Подошел автобус.

В сравнении с чем?

– Что он, действительно на коньках катается? – спросил Мелвин Хоб-Готтлиб, выказывая что-то выше обычной фэбээровской любознательности.

– Еще как! – воскликнул Джим с энтузиазмом, который заставил брови старшего агента Брюса д'Аваланша взлететь вверх и воспроизвести галочку на его лице вечно дежурного офицера. – Вы должны увидеть это сами, Доктор Хоб! Стоящее зрелище! Есть нечто сюрреалистическое в том, как он скользит на фоне нашего величественного Национального архива, сдвинув набекрень свой гоголевский шапокляк! Скольжение – моя вторая натура, поясняет он. До недавнего времени он этого не знал, пока при стечении благоприятных обстоятельств вдруг не выяснил, что преодоление законов трения – это не что иное, как его вторая, если не первая натура, сэр.

– Кому он это объяснял? – спросил старший агент д'Аваланш.

– Другим конькобежцам, сэр. Кто-то спросил, не из цирка Барнума ли он, в ответ последовал пространный монолог о трении и скольжении.

– Общительная персона, – сказал Хоб-Готтлиб не без тени зависти в голосе.

– Вот именно, сэр. Его внешность привлекает всеобщее внимание, и он без задержки пускается в разглагольствования, хотя его английский оставляет желать лучшего. Он может безгранично дискутировать любую философскую тему, о Кьеркегоре ли, Конфуции ли, но из-за своего, скажем так, малообиходного словаря оконфузится в простейших обстоятельствах. Вот, например, третьего дня он пересекал Висконсин-авеню во время часа пик, и один водитель адресовал ему приятное выражение: «Ты что, не видишь красного света, задница?» Доктор Фофановф одарил его улыбкой и взревел, потрясая своим шапокляком: «Вот они, американцы! Ну как приветливы, черти!»

– Кому он это сказал? – спросил д'Аваланш. Уточнения были его специальностью.

– Пролетающим облакам, сэр!

В комнате, не заслуживающей никакого специального описания, тем более что она уже известна нашему читателю как кабинет главы Пятого подотдела Третьего департамента контрразведки ФБР, Джим Доллархайд делал доклад о результатах своих предварительных наблюдений.

– ...Прежде всего мистер Фофановф не прячет своей определенной осведомленности относительно вашингтонской среды обитания. Приехав, он выразил желание немедленно получить ощутимые доказательства существования некоторых гипотетически существующих мест. Простите, Брюс, но это не имело никакого отношения ни к Пентагону, ни к Старому дому администрации, ни даже к Арлингтонскому мемориальному кладбищу. Он захотел увидеть книжный магазин «Йес», а также джаз-клуб «Блюз– эллей» в Джорджтауне.

В первом он сделал довольно дикий выбор книг, купив, в частности, «Симпатизирующие вибрации», «Власть вашей второй руки» и «Как приручить вашего чертенка». В последнем он фактически повернул внимание публики от пианиста Леса Макэна на себя. Всякий раз, как Лес пускался в свой «фанк» и публика по его знаку начинала петь «Пусть это будет правдой! В сравнении с чем?», доктор Фофановф трубил, как потревоженный слон: «В сравнении с Кантом!» Даже либеральная публика не выдержит, когда все время кричат: Кант, Кант! Его едва не вышибли общими усилиями, пока он не пояснил, что он имеет в виду не только мистера Иммануила Канта, но и всю германскую философию. После этого они обнялись с Лесом Макэном и несколько секунд стояли в молчании.

– Сколько народу присутствовало? Какие-нибудь иностранцы были? – спросил старший агент д'Аваланш. Джим обожал деловые вопросы своего начальника.

– Присутствовало сто сорок семь полнокровных американцев, сэр, и один декадентный араб, сэр. Да, джентльмены, там был шейх Сайд Кисмет Манна. Где он остановился в Вашингтоне? В настоящий момент он разговаривает с вами. Так точно, сэр, шейх к вашим услугам.

Доктор Хоб мягко поаплодировал: браво, браво, браво! Не нужно хмуриться, д'Аваланш. Это как раз то, что нам нужно, – импровизация, дар артистизма и так далее. Трое помощников, Эпплуайт, Эппс и Макфин, закивали в полном согласии. Как раз то, что нам нужно: И ДА, и так далее.

Спецагент Доллархайд продолжал свое сообщение о вашингтонской активности москвитянина. На Коннектикут-авеню в магазине «Поло» Фил купил себе дюжину рубашек сверхкоролевского размера. Я знаю, что джентльмены покупают рубашки дюжинами, сказал он своему другу Генри Трастайму. Тут же он был ошарашен, когда ему предложили заплатить за эту покупку девятьсот шестьдесят пять долларов девяносто два цента. Как же так, я думал, что в Штатах можно машину купить за такое количество «презренного металла» (так он называет деньги). Конечно можно, сказал ПТ.

Они отправились в хозяйство подержанных автомашин и купили обшарпанный, но весьма грозного вида «Чеккер» образца 1969-го, за одну тысячу сто тридцать шесть с копейками. В этой машине нашего клиента можно принять за колдуна из болот Диксиленда.

Однажды он был ограблен во время небрежной прогулки в полночь вдоль Эйсгрита, юго-восток, где, как известно, после захода солнца жители не высовывают носа из дома. Для полной точности следует сказать, что это был не гоп-стоп, а только лишь попытка гоп-стопа. Вместо того чтобы удовлетворить требования молодых революционеров и вывернуть карманы, он сгреб их всех в одном медвежьем объятии и провозгласил мировое братство имени Франсуа Вийона. Когда же он ослабил свой зажим, все три пары кроссовок пустились враспыльную на светящихся подошвах. Интервенции сил порядка в лице вашего покорного слуги не потребовалось.

Фил выказал также определенный интерес к религиозной жизни, посетив католическую, русскую и греческую православные, протестантские, синагогу, мечеть, равно как и другие церкви дистрикта Колумбия, пока не присоединился к буддистскому ашраму «Луч света в темном царстве». Да, Брюс, это интересно. Вы правы, Брюс, это очень, очень интересно.

К несчастью, его изгнали оттуда спустя короткое время. Да, это тоже интересно, но дайте мне сначала вкратце рассказать эту историю, детали потом.

В последнее время эта компашка чудил была одержима идеей так называемых «волн Добра». Во время своих сборищ они передают эти волны то в Белый дом, то в Кремль. Они абсолютно убеждены, что последний договор был подписан благодаря их усилиям, а госсекретарь Джордж Шульц тут абсолютно ни при чем.

Филларион ревностно посещал ашрам, молился и передавал в сторону Кремля «волны Добра», пока их гуру Годиванагуше (в миру Триша Адамс) вдруг не взорвалась криками со слезами, обвиняя новичка в недостатке искренности. Он клялся, что он ее верный последователь, но она сказала, что этого мало. Она провидела его будущее изгнание из этого мэрилендского рая, поскольку он не может выразить искреннюю любовь к Политбюро.

Некоторое время он еще болтался там на птичьих правах, а потом его окончательно вышибли. Надо отдать ему должное, он не был слишком огорчен. Выходя из ашрама, он насвистывал Россини, а потом приехал в кафе «Сплетни» и заказал пару пива.

– А были у него какие-нибудь контакты с советским посольством? – Старший агент д'Аваланш задал этот вопрос как бы мимолетно, что не оставляло сомнений в его чрезвычайной серьезности.

– Простите, Брюс, должен вас огорчить, «контакты с посольством» и Фил Фофанофф – понятия несовместимые. Во время той шикарной вечеринки «короткого замыкания» советник по садовым культурам Черночернов потихоньку сказал ему: «Есть разговор, зайди ко мне», но мне кажется, что он этого даже не расслышал. Фактически никто этого не слышал, кроме вашего покорного слуги.

– А как насчет сексуальной ориентации доктора Фофаноффа? – торопливо спросил Хоб-Готтлиб, как бы стараясь пресечь дальнейшие уточнения предыдущего вопроса.

– Пока еще это тайна, завернутая в загадку, – усмехнулся Джим. – Неистребимое любопытство однажды завело его в «Горячие ванны Гвадалахары». Во всяком случае, я там на него натолкнулся... – в этот момент спецгент вдруг сообразил, что едва не проговорился о своей собственной ориентации. – Собственно говоря, я шел за ним, когда он неожиданно туда завалился. Когда я вошел... то есть когда последовал за ним, он разговаривал с молодым стильным ювелиром. Ну, собственно говоря, профессия этого парня была установлена позже... но в общем, я подслушал, как Филу предложили «квики», и он, конечно, тут же согласился, не имея понятия о том, что ему предлагают.

Когда же ситуация прояснилась и стало понятно, что такое «квики», он разразился хохотом и сказал, что ни при каких обстоятельствах не принадлежит к «голубой дивизии». Ювелир обиделся и назвал профессора Фофаноффа расистом.

В добавление к этому столкновению... хм... двух, так сказать, концепций, – продолжал Джим, – я не могу не обратить ваше внимание, джентльмены, на весьма диковинное объявление в «Нью-Йоркском книжном обозрении». Извольте, вот оно: «Среднего возраста джентльмен – жизнелюб, заметная наружность, быстрая смена интересов и убеждений, полный набор вредных, хотя и безобидных привычек (копание в носу не включается), ищет знакомства с дамой приятного свойства (совершенство не требуется). В добавление к интимным отношениям философские темы и художественное пение. Можно звонить или заходить без предупреждения. Дикэйтор-стрит, номер такой, телефон такой-то...»

– Отличная работа! – воскликнул Хоб-Готтлиб. – Согласны, ребята, что Джимми проделал великолепную работу?

– Конечно! Конечно, согласны! – срезонировало трио Эпплуайт – Эппс – Макфин. Брюс д'Аваланш, сдержанный больше, чем обычно, только лишь кивнул в знак одобрения.

– Теперь самое время ободрать кошку, ребята, – прокрипел он. – Этот шизик – шпион?

– Он такой же шпион, как я Ромео, – сказал Джим убежденно.

– А почему вы не можете быть Ромео, молодой человек? – мрачно спросил д'Аваланш.

– Я хотел сказать – Джульетта, – поправился Доллархайд.

– Ну, это как вам угодно, Джим, – дружелюбно улыбнулся доктор Хоб и затем жестом попросил всех подождать, пока он найдет что-то важное на своем столе, который выглядел, как баррикады Парижской коммуны 1871 года.

Взвихрив короткий торнадо на столе, он, однако, так и не нашел ничего важного, если не считать тома переписки Набокова с Уилсоном. Что касается этой книги, то она была открыта на странице 69, и несколько строк в ней было отчеркнуто фломастером.

«...это одно из самых совершенных блаженств, которые я знаю – открыть окно в душную ночь и наблюдать, как они появляются. У каждого есть своя особая манера по отношению к лампе: кто-то тихонечко устраивается на стене, другой врывается и бьется об абажур и потом падает, трепеща крылышками, на стол, третий бродит по потолку...»

Перечитав отчеркнутое, доктор Хоб пожал плечами и спросил коллег:

– Может, нам бросить все это дело, ребята?

– Ни в коем случае! – вскричал Джим, будто задетый за живое.

– Не могли бы вы уточнить ваше «ни в коем случае», спецгент? – спросил д'Аваланш. – Почему нам не следует бросать расследование в Тройном Эл?

Джим был основательно озадачен. Стоит ли рассказывать им об ошеломляющем промельке, или вернее о немислимом ощущении парящей Валькирии? Стоит ли рассказывать о необъяснимом чувстве общности с этим толстяком? Стоит ли говорить им о том, что, если мы бросим это дело, я всю жизнь буду знать, что оставил друга в беде?

– Простите, старший агент, – пожал он плечами. – Это всего лишь моя интуиция, а я всегда был склонен доверять ей.

– Вас понял, – сказал Хоб-Готтлиб с довольным смешком. – Благодарю вас, Джим, за превосходную работу, и – полный вперед с вашей интуицией! На такой тонкой работе, как наша, джентльмены, мы не должны пренебрегать нашей интуицией. Конечно, Брюс, вы правы, мой друг, мы не можем позволить себе предаваться личным эмоциям, но, с другой стороны, мы не можем терять никаких оттенков.

Теперь позвольте мне познакомить вас с новыми данными. К сожалению, наши требования подкрепления и более легкого доступа к секретным данным не были удовлетворены. Ребята из Вирджинии все еще не мычат не телятся относительно идентификации Пончика, не говоря уже о таинственном Зеро-Зет. Так что мы опять предоставлены сами себе и можем уповать только на наши главные источники информации, вашингтонские и московские утечки. Так вот, согласно одной чертовски деликатной утечке таинственный Зеро-Зет располагает тремя сверхтренированными оперативниками, готовыми к выполнению любой задачи. Мы понятия не имеем о сфере их активности и ни в коем случае доктора Фофановфа нельзя рассматривать в связи с Зеро-Зет, однако к нам постоянно и упорно поступают указания, что Либеральная лига Линкольна находится в фокусе интересов Пончика и Зеро-Зет. Так что, братцы, все мы должны быть в состоянии повышенной готовности. В заключение позвольте мне прочесть вам несколько строк из письма господина Набокова господину Уилсону... – и доктор Хоб, многозначительно подняв свой корень женшенья, то есть указательный палец, прочел отрывок о влетающих на огонь насекомых, который был подчеркнут в книге жирным фломастером.

– Простите, босс, – сказал старший агент д'Аваланш, который из всех сил старался изобразить полнейшее уважение к литературе. – Перед тем как мы разойдемся, я хотел бы сделать еще одно небольшое уточнение. Та назойливая «селедка» в международном аэропорту имени Далласа, что это было? Должны ли мы просто отместить это в сторону как какой-то новый тип этих проклятых японских игрушек йо-йо или... хм... в этом было нечто серьезное? Как вам кажется, Доллархайд?

В этом пункте Джим, увы, не смог проявить ни своей наблюдательности, ни своей интуиции.

– Право, не знаю, сэр... – забормотал он, – вполне возможно, это была одна из тех технологических шуток, которыми сейчас дурачат почтенную публику... право, не знаю, сэр... – По непонятной причине он почему-то не рассказал коллегам о том зловещем впечатлении, которое произвела на него летающая «штука» в баре «Завсегдагай небес». Контрразведчик ФБР не может позволить себе излишне предаваться личным эмоциям.

Вскоре после этой встречи Джим Доллархайд среди ночи был разбужен телефонным звонком. Секунду или две он прислушивался к странному гулкому жужжанию (вот именно, гулкое жужжание!), идущему из каких-то безмерных пространств. Со спутника, что ли? Потом непостижимый, замогильный голос произнес фразу: «Добавь четвертое „Эл“, Джим, идет?»

Глава третья

Высшие квалификации

Эта осень была блаженным периодом в жизни советника Черночернова. Его супруга, Марта Арвидовна, костлявый отпрыск проклятой революционной аристократии, латышских красных стрелков, была в отпуске, то есть пребывала в ее возлюбленном «мире социализма», так что он получил заслуженную передышку в их почти ежедневной сваре по поводу идеологических и физиологических вопросов.

Вообразите, стареющая «марксистская кляча», как он привычно называл свою жену из-за ее вздорной приверженности к этой прохиндейской, антирусской теории, вместо купаний в чудесном партийном санатории на Кавказе проводит дни в Московском архиве КПСС, собирая материал для своей диссертации «Крушение латвийской псевдонезависимости как триумф марксизма-ленинизма»! Ну и ладно, это ее личное дело, а нам дайте в ее отсутствие вкусить «одинокости роскошные плоды». День за днем советник по садовым культурам при посольстве СССР, он же скрытый полковник Сто пятого управления КГБ и член Коммунистической партии с двадцатилетним стажем, ублажал себя погружениями в глубокие тайники своей души и физиологии; коротко говоря, он мечтал о восстановлении русской монархии и о своих, пожалуй, шурум-бурум, сексуальных предпочтениях.

Данное утро, как таковое, началось в полном блаженстве. На грани пробуждения полковнику вспомнилась юная черная девочка, которую он заметил третьего дня выходящей из квартирной секции комплекса Уотергейт. Может быть, она не кто иная, как маленькая наложница какого-нибудь миллионера среднего возраста с волосатой грудью и хорошо развитыми мускулами на ляжках? О, великодушные капитализма! Имей достаточно добра, и сможешь в любой момент вызвать какую-нибудь стройную, благородную крошку, вдумчиво и осторожно раздеть ее, а потом медленно надеть пару белых чулок на ее длинные мальчишеские ноги и бейсбольную шапку на ее панковую прическу, и... лимиты, лимиты, товарищ полковник!

Помолодев при помощи этих фигментов воображения, Черночернов встал и энергично прошел в ванную бриться. В хозяйстве у него имелся смысленный прибор, который мог одновременно включать бесшумную бритву, ароматную кофейную машину и всегда поднимающий настроение (даже и гадкими новостями) голос радиостанции «БЛАД-96». Из всех «безнравственных приманок» капитализма Марта Арвидовна пуще всего ненавидела именно этот прибор, между тем как полковник нежно его любил.

При первых звуках утренних новостей он перекрестил на православный манер свой лоб, живот и плечи: долгожданное событие в конце концов свершилось. Пока он мечтал о той славной мальчуковой девушке, морские пехотинцы США завершили высадку на пляжах и в глубине одной субтропической сюркоммунистической страны, чтобы изолировать ее кровавую, саморазрушительную хунту и принести туда вечный мир и справедливость под покровительством Ее Величества Современной Рыночной Системы.

Спасибо, Ронни, за такой подарок, прошептал полковник. Чем скорее падет Империя зла, тем больше будет у нас шансов для Возрождения!

У советника Черночернова был выходной день, и он был намерен провести его к своему высшему удовольствию, а именно прогуливаться по городу, изображая несоветскую персону. Конечно, для этой цели требуются небольшие маскировочные меры: ну, скажем, вот эти густые брежневские брови, которые сбалансируют аккуратные британские усики, ну, скажем, вот эта мятая шляпенция ирландского твида, как у отставного консервативного служащего, ну вот, и пара затемненных очков... — извольте, теперь мы неузнаваемы.

Как это приятно, когда тебя не принимают за советского! Приобщиться к норме, как это славно!

Почему бы не посидеть спокойно у обычной стойки, не почитать «Пост» за брекфастом, почему бы не ответить спокойной улыбкой и кивком на обращение «сэр»? Какое огромное удовольствие поделиться с кем-нибудь деловой секцией газеты, обратить чье-то внимание на рост акций пиломатериалов, положительно ответить на чью-то просьбу о карандаше, о зажигалке... конечно, сэр... извольте... она ваша, сэр...

Иностранный акцент можно прекрасно замаскировать некоторым заиканьем и шепелявостью... небольшое врожденное косноязычие, джентльмены... Всем известно, что американцы, особенно британского происхождения, исключительно отзывчивы к малейшим формам неполноценности. Будучи стопроцентным консерватором, полковник Черночернов не делал секрета из своей англофилии.

А почему бы просто, с классическим зонтом в руках, не прогуляться вдоль Коннектикут-авеню? Никто из прохожих никогда и не додумает, что я советский. Почему бы не продолжить чтение газеты на скамье у фонтана на Дюпон-серкл, отечески наблюдая тамошних белых и черных бичей? Почему бы даже не подать им какую-то мелочь для поддержания существования, хотя и очень малую мелочь, чтобы не одобрять тунеядство в обществе? Бремя Белого человека гласит: «Кто не работает, тот не ест!» У-у-пс, это вроде из другой оперы, ленинская идея, черт ее дери!

Почему бы мне не пройти затем через Дюпон-серкл к книжному магазину «Лямбда на взводе» и почему бы там не посидеть в углу с книжкой на коленях, сенаторские очки на носу, почему не посмотреть на красивый «голубой» народ, такой непосредственный, такой спонтанный?

Эти, почти нестреноженные, утренние мысли полковника были внезапно прерваны телефонным звонком. Кто, черт дери, звонит по утрам? Кто бы это ни был, ни одна советская личность (за чисто теоретическим исключением вновь прибывшего шизика) не могла соответствовать блаженству Черночернова. Что касается несоветских личностей, то они никогда не тревожили его домашний телефон. Наиболее вероятно, это не что иное, как «свистать всех наверх» из посольства, созыв чрезвычайного загребанного собрания по поводу падения этой заплеванной субтропической сюрреволюционной хунты. Большое дело, разогнана еще одна кодла захребетников... разве это не на пользу матушке России, совсем уже досуха высосанной интернациональными подонками? При всех обстоятельствах, это не Афганистан, где мы отстаиваем наши коренные интересы. Каждый знает, что Россия исторически и... хмм... метафизически – это медленно расширяющаяся сила, а не авантюрная пантера, прыгающая с острова на остров. Любой человек в посольстве сведущ в том, что это зона не наших интересов и нам следует тут вести себя скромнее, и тем не менее мы будем все час или два жевать весь этот мусор насчет «дальнейшего углубления хищнической сути империализма», «классовой солидарности» и «хода истории, который никто не может повернуть вспять», как будто паршивая немецко-еврейская борода уже раз и навсегда установила все направления.

Эти идеи произвели своего рода торнадо в сознании полковника между первым и вторым звонком телефона. Не буду отвечать, подумал он и снял трубку.

Бессчетное число раз в своей жизни товарищ Черночернов благодарил свое благоразумие за то, что оно брало верх над идеями. Вместо всех этих вздорных голосишек из парткома он услышал единственно кого уважал безгранично, шеф-повара посольской столовой, самого Егора Егорова! Автоматически он встал по стойке «смирно». Звонки Егорова всегда касались самого важного и самого деликатного. Управляя одним из ключевых секторов посольства (кто будет недооценивать значение питания персонала в осажденной крепости?),

этот дюжий курчавый волжанин на самом деле отвечал за все тайные операции в США и Канаде, а потому имел чин генерал-лейтенанта.

– Хей, Федот-дот-дот-дот, хау ар ю эваянг? (Привет, Федот-да-не-тот, как твое ничего-себе-молодое?) – сказал Егоров. Он явно не собирался обсуждать империалистическую агрессию и классовую солидарность. – Как насчет «малость прогуляться» вместе? Давай глотнем свежего воздуха на Хейнс-пойнт, а? Отлично!

С добродушным смешком генерал добавил к приглашению:

– И на всякий случай не забудь свой английский зонт, олд фэллоу. В прогнозе кратковременные дожди.

С легким укором совести полковник Черночернов понял, что его одинокие несоветские променады не остались незамеченными старшими товарищами.

Час спустя он ждал генерала на Дюпон-серкл. (Проницательный читатель, конечно, уже догадался, что Хейнс-пойнт был кодовым именем для площади Дюпона.) Не без симпатии он наблюдал за своими сотоварищами-вашингтонцами, которые к этому времени начали показывать первые признаки оживления после изнуряющей летней парилки в болотистом параллелепипеде у рек Патомак и Анакостия. С первыми порциями осеннего прозрачного воздуха люди жадно возобновили свои прогулки вокруг фонтана и поперек двух кольцевых проездов, которые делают Дюпон одним из наиболее вывихивающих мозги транспортных узлов в мире.

Две группы собирали деньги в сквере. Одна обогащалась для дальнейших атак против Стратегической оборонной инициативы. «Красные выродки», – прошептал полковник и ничего им не дал. Другая алкала поддержки в их борьбе против аятоллы Хомейни – Черночернов дал им однодолларовую бумажку. Наслаждайтесь своей борьбой, персы! Ударим еще раз по позорному отродью бесноватых подонков шахсей-вахсея 1829 года, убивших посла нашего просвященного Императора, гениального драматурга Грибоедова! Еще один долларový удар во имя будущей Рос... Лимиты, товарищ полковник, лимиты, лимиты...

Он не отказался от своего обычного несоветско-пробританского маленького маскарада, поскольку они уже знали об этом, и генерал, конечно, отличил бы его от толпы без задержки даже под этими бровями, усами, баками, мятой шляпой и т. д. Время их встречи, однако, пришло, но никто не подошел к нему, кроме пожилого черного джентльмена, который с вежливым поклоном опустил на дальнем конце скамьи.

Чернокожий в классическом синем блейзере был похож на отставного метрдотеля, скажем, из «Хей Адамс» или «Мэдисона». Во всяком случае, он принадлежал к тому разряду людей, которыми округ Колумбия может гордиться. Он открыл свой «Уолл-стрит джорнэл» и закурил ароматную сигару. Не без мимолетного удовлетворения Черночернов подумал, как их скамья может выглядеть издали: два джентльмена, белый и негр, оба несоветские.

Десять минут, однако, прошло, а генерал так и не появился. Негр высказался о «хорошей погоде», а потом представился как Тимоти Инглиш, первый помощник старшего официанта «Хей Адамса», в отставке. Черночернов пожал его руку и сказал, слегка заикаясь: Джордж Шварценеггер, в прошлом офицер разведки. Простите, больше ничего не могу расказать. Очень приятно познакомиться, сэр.

Черночернову было действительно очень приятно сделать такое славное знакомство в консервативных кругах, однако, увы, генерал мог обеспокоиться присутствием этой весьма общительной персоны, что сразу же после знакомства начинает увлекательный разговор о Ближнем Востоке.

Чувствуя себя как на иголках, Черночернов уже готов был покинуть скамью, когда пожилой черный консерватор вдруг произнес с сильным русским акцентом: «Кончай, мэн! Не оставляй меня!»

Это был, конечно, не кто иной, как генерал Егоров собственной персоной. «Браво», – прошептал Черночернов с благоговением. Наша русская агентура всегда вне конкуренции!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.